

Татяна Суровцева
стихи

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
С90

*Книга издана при финансовой поддержке
Департамента культуры и архивов
Иркутской области*

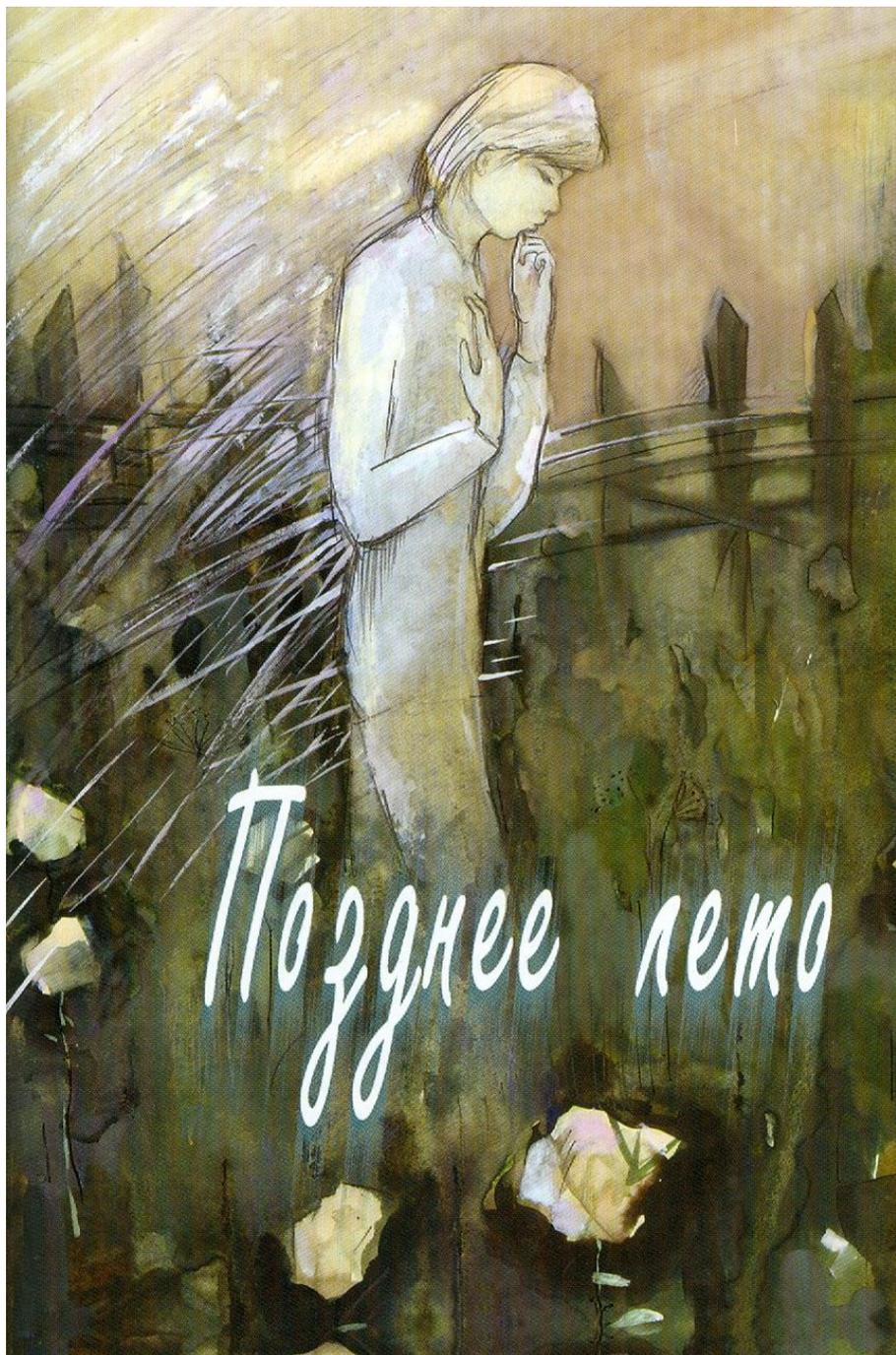
Суровцева, Т. Н.

С90 Стихи / Татьяна Суровцева; худож. С. А. Бурчевская,
Н. К. Ярыгина. - Иркутск : Иркутский писатель,
2007. - 212 с.

«Трещина мира проходит через сердце поэта», - любит повторять Татьяна Суровцева. Так можно сказать и об её творчестве. Точность поэтического слова, высокая нота её стихов сделали имя поэтессы известным и любимым многими читателями.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Суровцева Т. Н., 2007
© Бурчевская С. А., художник, 2007
© Ярыгина Н. К., рисунки на шмуцтитулах, 2007
© Оформление. Издательство «Иркутский писатель», 2007

* * *

Возле печки так легко
сочинить стихотворень!
...Жарко плавятся поленья,
словно солнце над рекой.

Возле печки - благодать!
Да не гаснет Божье пламя!
Зимней стужи заклинанье,
Дома тёплая печать.

Пламя плещет, не слепя...
Гляну в прошлое, как в щёлку.
Вижу: ночь и дом в посёлке,
в доме - маму и себя.

Тёмный блеск её волос,
светлый лак её гитары,
смутный образ песни старой,
песни долгой - на сто верст.

А земля лежит вокруг,
от мороза чуть живая,
несъедобным караваем,
выпавшим из жадных рук.
Злыми блёстками горит
в той земле касситерит...
Но трещит в печи огонь,
и поёт негромко мама,
маленькой рукой упрямо
отгоняя страшный сон.

Будит первую мечту,
первой ранкой сердце метит:
«...Мой костёр в тумане светит,
искры гаснут на лету...»

* * *

Как много у зимы коротких дней хрустальных,
С морозной бирюзой, да с ветром ледяным,
Когда для горожан милей колонн ростральных
Встает вдали домов - теплоцентрали дым.

Как много вечеров под сводом серой тучи,
Когда на свежий след ложится пухлый снег...
Горит во мгле заря - и запоздалый лучик
В микрорайоне N вдруг зажигает свет.

В ущелье меж домов отчаянное эхо
Печатает шаги, взлетает в высоту.
Как празднует мороз моё земное эго,
Как чувствует зимы покой и чистоту.

Таинственный туман ночей предновогодних,
И под стеклом витрин цветов огнистых гроздь.
И кажется, что жизнь открылась лишь сегодня,
И незачем жалеть о том, что не сбылось...

И хочется для всех отрады и покоя,
Приляг и отдохни, усталый город мой,
В объятиях зимы... А время золотое -
За дальнею горой, за ясною весной.

* * *

Для этой осени я слов не подберу:
для хрупкой гордости и кроткого величия...
Слова топорщатся и мерзнут на ветру,
листва трепещет, как сердечко птичье.
Медвежий мех ещё густой травы -
и в нем слова мои, опавшие, алеют.
Весь фон серебряный, но клочья синевы
Ещё посверкивают в небе над аллеей.

Душа-отшельница листвою зашуршит,
На дикой яблоне голубкой поворкует,
И снова - в прошлое...
Там звонкий луч лежит на древних бревнах,
Словно солнечная сбруя!
Там - людям на смех - мой неловкий быт
и печь, которая топиться не хотела...

Мне так некстати притязанья тела,
Когда со мною муза говорит!

Усмешка прошлого: не миловать, казнить.
И каждый шаг мне отдается острой болью.
Но ничего я в нём не в силах изменить
Ни волей гордою, ни трепетной любовью.
Эх, Сивка-Бурка, два незримые крыла!
Взмахни над Временем своей седою гривой.
Назад, в грядущее!
Ведь осень так светла...
А ветра смертного мне не страшны порывы.

2003

ДАВНИШНЕЕ

Как утомительны дожди!
Они посеяли привычку
к плащам и отсыревшим спичкам,
к тому, что лето позади.
К катарам, астме и хандре,
к тому, что пол заслежен вечно...
Как все же лето быстротечно
на Ангаре!
Традиционное кино -
да нынче скучно на экранах,
и снова тупо, беспрестанно
бормочет дождь...
Ах, всё равно:
пора домой, и свет зажечь,
и собеседника придумать,
с каким легко молчать, и думать,
и что-то давнее беречь.
И в ожиданье перемен
читать да у камина греться,
Но, боже мой, куда мне деться
от неюта этих стен?
Мой собеседник, странный друг!
Ты даже не предполагаешь,
что здесь со мною разделяешь
мой быт, мой хлеб и мой досуг.
И, пересиливая жуть,
я выхожу в сырую полночь:
не то чтоб о себе напомнить -
на свет в окне твоём взглянуть.

* * *

Полынная горечь октябрьских дней,
Полынная, пыльная, бурая горечь,
Сухая до звону.
И небо над ней
Пустынно.
И песней тоски не прогонишь.

Железная ветка среди гаснущих трав.
Спеша, отрешённо считают колеса:
На север, на юг,
За составом - состав,
Их ветер приносит и ветер уносит.

А ты оставайся и стой на ветру,
Душой и судьбой этим далям причастна.
С тобой на миру, что на званом пиру,
Лишь песня порою бывает согласна.

Я песню сложила, как бедный букет
Из лёгоньких веток уснувшей полыни,
Как плач материнский о сгинувшем сыне,
Как долгий, холодный осенний рассвет.

* * *

Невдали от шума городского
ярче, полновесней синева.
И звучит серебряное слово -
чистая ручейная молва.

Снеговую сладость пьют березы
за здоровье будущей листвы...
(Зимы не рифмуются с морозом:
Зимы нынче шлют нам из Москвы.)

Ветер сушит травы на поляне -
горько-страстно шепчется полынь,
словно суеверные древляне
молят о судьбе своих святынь.

Опускают утомленно руки,
поднимают лица к небесам -
молят о земле даждьбожьи внуки,
Космоса внимая голосам.

...Предков голоса все глуше, глуше:
жили-были, поле перешли.

Наши растерявшиеся души,
знать, жалеют из своей дали...

КОМАНДИРОВОЧНАЯ БАЛЛАДА

Он был послушен: уходил,
но, как с прибоем, возвращался.
И долго, долго говорил,
и так по-детски удивлялся,
что мы знакомы столько лет,
а вот не видели друг друга...
В глазах стоял вечерний свет,
мела воспоминаний вьюга.

Я, как умела, приняла
и исповедь, и покаянье.
Во мгле гостиница плыла,
как в незнакомом мирозданье.
Дождь злую музыку творил,
и город маленький знобило
от ветра...
Я окно открыла -
вокзальный свет в пространстве плыл...
А он курил.

И был прокуренный вагон,
потом на «газике» райкома
вдоль желто-злой реки Онон,
в степях родных, но незнакомых,
месили на дорогах грязь,
начальству местному внимали
и от усталости дремали,
со скукой вежливо смирясь.
Вместилось все в единый миг:
степной закат, дожди,
работа,

моторов ноющая нота,
в ночном стекле - его двойник.
В тот миг прибавились к моим
его судьбы переплетенья,
восторг до саморастворенья -
его страстей терновый дым.

Не знала я, что суждено
мне в эту осень возвращаться,
что будут в сны мои стучаться
слова, беззвучные давно...
Но в наши годы до конца
пути судеб исповедимы.
И мне теперь - за этим дымом -
не разглядеть его лица.

СОЛНЦЕ УКРАИНЫ

Ни дня здесь не бываю одинока.
Родня, как в детстве, балует меня.
А виноград! Он возле самых окон
Прозрачно зреет, гроздьями дразня.

Ах, это солнце, солнце Украины!
Я четверть века ехала к нему.
Как поцелуй, ожог его приму,
Сбегу к реке и разом все отрину:

Мороз и снег; мучительный вопрос;
И все, что было, да и все, что будет...
Вон на песке, как на горячем блюде,
Мерцает перезревший абрикос!

Мне кажется, и люди здесь должны
Быть счастливы от самого рожденья,
Как эти плодоносные растенья
Под дымчатым теплом голубизны.

Как две любви, во мне соприкоснулись
Моя Сибирь, мой ветер голубой
И этот мир мощёных узких улиц -
Морского юга медленный прибой.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Двенадцать тысяч лет я прихожу сюда.
В сырой песок вросли мои ступни босые.
День изгоняет ночь. Меняет цвет вода.
Уходят волны вдаль - белесые, косые.

Над морем альбатрос, красив, как херувим,
В полёте неживом распластывает крылья.
Где корабли твои? И сам ты - невредим
Иль в царствии теней вкушаешь изобилье?

Я и сама давно уже не плоть, а дух.
Я соль твоих морей и парус твой послушный.
А песнь моя жива. Её седой пастух
На дудочке своей выводит простодушно.

И боль моя жива. Среди мертвых и чужих
Двенадцать тысяч лет ищу тебя по свету.
Хоть разлюбившего. Хоть канувшего в Лету.
Хоть старца нищего в тоскующей глуши.

Я женщина, и я не верю в рай иной,
Чем тот, что на земле с единственно любимым.
Но ежели ты червь, то пусть жестокий зной
Спалит тебя дотла. Любовь неумолима.

ИНЬ И ЯН

Марсианин - под знаком Огня
Смугло-золото светится кожа.
Ты с планеты ночной и тревожной
Темной страстью глядишь на меня.

Сопредельный, неведомый мир!
Между нами - космический ветер.
Бог войны - твой жестокий кумир -
Правит бал свой на красной планете.

А моя - зеленым-зелена!
В золотистом, от зорь, одеянье...
Лишь Богиня Любви, лишь она
Путь укажет - от вечного сна
К вечной жизни в Садах мироздания.

* * *

На родине моей и в самый жаркий полдень
С надоблачных высот студёная струя
сорвется, и пронзит,
и о зиме напомнит,
как будто проскользнёт у ног моих змея.
То парусник мелькнет - один в холодном море,
то молнией взмахнёт далекая гроза.
Старинный мудрый стих звенит:

«мементо мори...»

А солнышко до слёз слепит мои глаза.

Ещё густа листва и сок травы дремучей,
Настурциям в саду ещё так долго цвести,
а снежных облаков сверкающие кручи
о дальнем январе уже доносят весть.

Как быстро день прошёл!
Я так и не успела
ни сердцем отдохнуть, ни руки отогреть.
Остыла голова.

Мгновенье улетело,
а завтра - быть дождю и сентябрю звенеть.

Ну что ж, зато в тайге,
на марях потаённых,
горит брусничный жар,
стоит хрустальный свет!
На ярмарке чудес, в тех сумерках зеленых,
на «что» да «почему» я не ищу ответ...

* * *

Не возвращаюсь... Мимо проезжаю.
Здесь дом, который мог мне быть родным.
Здесь мой отец и женщина чужая
давно живут. Я непонятна им.
Мне в доме места нет. Но возле дома
стоит моя заветная сосна,
и та беседка мне давно знакома,
где я, судьбу предчувствуя, одна,
любила видеть небо грозное
в раскатах туч, извилинах огня...
На старых соснах молодела хвоя,
и ливень шел широкою волною,
водой и градом окружал меня!

...Мои цветы сорвали горожане.
Впитал следы забывчивый песок.
Леса да сопки молча окружают,
и бьет по нервам птичий голосок.
Мне с каждым разом встречи все больнее.
Как эта рана старая горит!
Отец, отец! Ты был ли счастлив с нею?
Седой, в пижаме, сухонький - темнеет
и вовсе не о том мне говорит.

Беда и память - всё мое наследство,
Всё, что навеки с родиной роднит.
И я глотаю горький ветер детства -
что б ни было, а он меня хранит.

* * *

Вдруг сердце обнажить...
А сердце словно лист
осенний, золотой,
беспомощный, бесценный.
Все холодней над ним лазоревая высь...
Какой простор кругом! Какие перемены!

Ты взял листок в ладонь
и хочешь отогреть.
Ты хрупкости лесной касаешься губами,
забыв, что в сентябре ему не зеленеть, -
стать пылью, пеплом стать
иль сгинуть под снегами.

Но всё равно, мой свет, тебя благодарю
за позднюю любовь - несбыточное счастье.
За тихие шаги навстречу сентябрю,
за тихий этот смех,
как музыка звучащий.

Так открываешь вдруг,
что жизнь не изжита
и что самих себя мы до конца не знали...
Открой, осенний день, летящий по спирали,
мне сокровенный смысл
багряного листа!

* * *

Здесь мой любимый шёл -
И россыпь золотая
То ручейком сухим у ног его вилась,
То устремлялась ввысь,
Навстречу птичьей стае,
На школьном ветерке
Рассеянно искрясь.

Здесь мой любимый шёл.
При нем не смел и холод
Убить зеленый лист,
Цветок отдать снегам.
Лишь ветер-пустозвон
Стучал в железный жёлоб
Да мусор городской
Подбрасывал к ногам.

Здесь мой любимый шёл...
Его шаги терялись
В пустыне осени, барханах сентября.
Я все смотрела вслед,
А в небе, разгораясь,
Вставала вполнебес
Предзимняя заря.

Здесь мой любимый шёл.
Снежок скользит небрежно,
Даря глубокий сон заждавшейся земле.
Так прошлым стало то,
Что было - боль и нежность.
И будущее чуть мерцает в снежной мгле.

* * *

Мне сад жасминовый приснился,
Сияющий из тьмы времен...
Он ароматами пролился,
В неповторимый этот сон.

Вокруг невидимой ограды
Туманы звёздные текли,
И звуки суетного ада
Не долетали к нам с земли.

В иной реальности остались
И стали давним сном во сне
Крикливых птиц густые стаи,
В земном кружащие огне.

А здесь - ни сумерек, ни солнца,
В себе себя таящий свет,
Как музыка, звучит и льется,
Не зная дней, не помня лет...

Мы, заблудившиеся дети,
Вечноцветущим садом шли,
И наши души, словно ветви,
Цветами белыми цвели.

Истлела нить воспоминаний...
Легки для нас тропинки сна.
Жасмина душное дыхание -
Любви немая глубина.

* * *

Сухое лето в улочке старинной.
Доштых тротуаров горький опыт.
Над ними, как старуха над корытом,
Присели и задумались дома.

Дома как люди: радуются лету!
Их солнышко до досточки прогрело.
Кой-где смола медово проступает,
И досточки, как косточки, поют.

А во дворах поленницы прямые
Хранят тепло для зимнего ненастья.
И только у хозяек нерадивых -
Таких, как я, - не убраны дрова.

Здесь до смерти разбитая дорога
Засыпана кой-как речною галькой,
И пьяной рошей разрослись в кювете
И спутались - полынь и лебеда.

Зато как важно тополя-соседи
Беседуют о жизни в ясный вечер:
Их дети - безалаберные листья -
Знать не хотят о будущей зиме!

Вчерашний век! Живое запустенье!
Отсюда ночью я смотрю на звезды,
И в звездном небе, как иголки в сене,
Я спутников весёлых нахожу.

ОСТАВЬТЕ МНЕ В МИРЕ БЕЗУМНОМ...

Оставьте мне в мире безумном
Поляны лесной завиток,
Где бабочка в танце бесшумном
Легонько склоняет цветок.
А время, как мед из кувшина,
Тягучей волною течет,
И слышно, как ходит в вершинах
Задумчивый ветер высот.

Там за полдень сухо и знойно,
Июль в золотом забыты.
Там люд муравьиный достойно
Живёт среди палой хвои.
Оставьте мне полную чашу
Небес во глубокой воде
И елей высокую стражу,
Подъявшую пики к звезде...

Оставьте душе невеликой,
Чтоб не задохнулась в пыли,
Природы закатные блики,
Заветы зеленой земли.

* * *

Ветра шум - словно шум полыньи.
И так горько цветут хризантемы.
Алый холод осенней поэмы
Колет слабые пальцы мои.

Птиц не видно, а звуки висят
В светлом воздухе, словно подвески.
Эти звоны, и всхлипы, и всплески -
Там, где волны вдоль мола скользят.

Время трепетных, искренних слов
И особенной ясности духа,
Обострённого зренья и слуха,
Наведённых над бездной мостов.

И, как пальцами видит слепой,
Так и я через призму прозренья
Вижу сердцем опасное время,
Не сулящее тишь да покой.

А Природа не верит во зло:
Всё играет, до смертной истомы.
Если б своды горящего дома
Защило мое ремесло!

* * *

Под ветром сохнувшие травы,
Леса, грозящие сгореть...
Весенней сухости отравы
Уравновесит жизнь и смерть.

В такие ночи солнце снится.
А дни проходят, как во сне.
Лишь беспокойная синица
Всё ищет песню о весне.

Потом, потом, в конце сезона
С души спадает пелена
И замечаешь удивлённо,
Что жизнь по-прежнему красна,

Что синева неугасима
И притягательна, как встарь,
Что слово мягкое: Россия -
Как неотрывный календарь,

В котором даты и знаменья
Издrevле пахарю ясны,
Земля черна, полна терпенья,
И реки полны глубины.

Земля как мать - обид не вспомнит,
И снова серпень золотой
Дом человечества наполнит
Давно желанной суетой.

В КОНЦЕ СЕМИДЕСЯТЫХ...

В конце семидесятых, век двадцатый,
я не живу за каменной стеной.
Людское море плещет предо мной.
Аэрограда слышатся раскаты.

Мой старый дом - скорлупка на волне -
меня от мира еле отделяет.
Как вздрагивает дом!
Его качает,
Он звоном стекол жалуется мне.

Мой старый дом - бревенчатый ковчег,
он был построен с думой о потомках
и вот дрейфует без недели век
вдоль ясных дней и в грозовых потемках.

Крепка напротив серая стена
мечети древней - что там, за стеною?
А по шоссе за дымною волною
к аэропорту катится волна.

И мне ведь тоже - пара пустяков:
в автобус сесть, очнуться в самолете.
Не промысел - писание стихов,
когда весь мир на резком повороте.

Но нынче ночью снова нашептал
мне старый дом слова стихотворенья.
Мне ветер пел! Мне тополь трепетал
густой листвою в порыве откровенья!

И как мне быть, когда спешат за мной
снега и звезды, ливни и закаты?
В конце семидесятых, век двадцатый,
я не живу за каменной стеной.

1976

ОБЛЕПИХА

Тучи блуждают по синему пастбищу неба.
Воздух вспоен тишиною на всю высоту...
В листьях гнездится предчувствие ветра и снега,
И поглупевшие бабочки, кажется, спят на лету.

Ветки тугие склонила к земле облепиха -
Рыжая дева в объятьях сибирских садов.
Каждую веточку плотным венцом облепила
Дерзкая ягода - поздняя наша любовь.

Льется и льется прощальная музыка лета...
Плавится ягода, солнцем пробита насквозь.
Выйди, любимый! Нас ждет золотая карета.
В каменном городе сердце свое не морозь.

Нет, не заменят нам вздорные теле-виденья
Животворящего духа земли и травы:
Вытравят память, лишат изумрудного зренья,
Дайте им волю - оставят и без головы!

Выйди, замри и прислушайся так, на пороге:
Чайки, причудливо рея, летят на Байкал.
Стебли травы оплетут нам усталые ноги...
В землю вращём мы, как эти березы у скал.

ЛЕТО ГОСПОДНЕ (2001-е)

Не кончается позднее лето:
День теплом незаконным дарит...
Пробираясь сквозь морок рассвета,
Солнце дикой гвоздикой горит.

Пьют туман огнелистые клёны,
Искры сыплются с тонких берёз,
И плывут по реке изумленной
Купола, золотые насквозь!

В друзьях инея вспыхнула зелень,
И разнежился грубый бурьян...
Ах, какое в природе везенье!
И, наверное, чуточку пьян

Добрый житель страны незаконной,
Где пора бы нам сгинуть давно,
Но для нас этот кубок бездонный,
Это позднего лета вино.

Воздух тёпл, как творения глина -
Так и хочется мир воссоздать
Совершенным!..
Вот чудо - рябина,
И поёт упоительно Нина -
Каждый звук - благодать, благодать!

ЖУРАВЛИ

Над горькою окалиной земли
На Благовест летели журавли.
Над мокрыми развалинами снега,
Над кладбищем истерзанной тайги -
Им дал Господь шестое чувство неба
На долгий путь среди ночи и пурги.
Летели длиннокрылые, летели,
В фарфоровые дудочки дудели,
Прозрачно, переливчато звеня,
И на балкон вдруг вызвали меня!
Их вёл вожак, родному небу рад,
Стремительно снижаясь на закат:
В Сибири нам не до весенних нег,
Но на болотах стаю ждал ночлег.

И рассиялось солнце на закате,
И на сугробах вербы расцвели -
Как будто мир преодолел заклятье,
Когда в Сибирь вернулись журавли.
Вам встретить грудью холода и вьюги,
Но вы забыли о беспечном юге,
Родные птицы - вы примчались к нам,
К растерянным в ненастье городам.
И к деревням, заброшенным и жалким -
Обитатели калек и стариков,
Вернувшихся опять к сохе и прялке...
Не греет нищих обветшалый кров.

Но слышались вдали колокола,
Пока шумели сильные крыла!
Я нежной песни слушала мотив -
Как все, как все, кто в этом мире жив.
Кто молится на ясный образ неба,
Взгляд отрывая от земли и хлеба...
Мне слышался России чудный зов
Под благовест живых колоколов.

РОЖДЕСТВО - РОЖДЕНИЕ

В эти ночи декабрьские
Городу
берендеевы грезятся сны...
Едешь утром по синему холоду
В облаках снеговой белизны!
Свежей скатертью путь расстилается,
Воздух снегом пылит за окном.
Ели - словно на царство венчаются -
В серебристом и голубом...
Над рекою текучее золото
Растворенных в тумане огней...
Так светло, необычно и молодо
Ожиданье серебряных дней
Рождества - вечной тайны и таинства,
В правоте безупречной своей,
Человеческо-Божьего равенства -
То, что вечных страданий сильнее!

...И березы спелёнуты инеем,
И заря на пречистом столе -
Вот и утро, морозное, синее -
Утро встречи с Тобой на земле,
Что же, дитяtko,
                                тайное, сладкое,
ты сквозь плач улыбаешься мне?
Вытру слезы блаженной заплаткою,
Помолюсь о Твоей белизне.

* * *

Не успел Новый год оглянуться назад -
На заснеженный город,
А уже - весь в листве и в черемухе - сад
Ветер треплет за ворот,
И летит над землей лепестковая соль -
Ароматное диво,
И опять нам милее земная юдоль:
Так тепло и красиво.
Заблудился трамвай и кружит, как судьба,
Над цветочной порошею...
Отогрелась душой, не спешит голытьба,
Уезжая из прошлого.
Нет работы, нет денег, и некуда нам
В этот час торопиться,
Но зато мы сегодня пойдём по цветам,
Станут добрыми лица.
Будет патиной памяти прожитый век
Покрываться, светлея,
И уйдёт навсегда, как родной человек
По цветущей аллее...

МАСТЕРСКАЯ ВЕСНЫ

Дорога черна, и весенняя грязь
Весь быт городской обнажила безбожно;
И веток оттаявших бурая вязь
О чём-то шумит, но понять невозможно...
И птиц еще мало в продрогших лесах,
И небо белёсое сыплет снежинки,
Но день тяжелей на небесных весах,
А ночь выставляет Луны половинку.

Как скулы, не бритые с прошлой весны,
Рыжеют травой косогоры крутые,
И жёлтый автобус бежит с крутизны -
В нём люди сидят и глядят как святые.
Опасные воды пронесит река,
И лёд ненадежен, как тающий сахар,
Но рыбы трепещут в руках рыбака,
А сердце рыбачьё не ведаёт страха.

Природа сейчас - мастерская, и в ней
Творится весны долгожданное чудо:
Луна всё круглее, а утро - синей,
И жизнь нарождается вновь... ниоткуда.
Мы ждём - ожиданье подобно любви,
В автобусах пыльных теряем перчатки...
Улыбки случайно снуют меж людьми,
А солнце горит золотою печаткой.

НА АНГАРЕ ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА

(Остров Юность)

В тот день всё небо обложило
блаженной данью мокрых туч;
березам головы вскружило,
и стал шиповник не колюч.

Весь остров запахом полынным
был полон; день был полонён
парным теплом, дождём былинным,
таким живым, густым и длинным,
как хорошо возросший лен.

Река серебряными косами
перевивала острова,
а выше туч, в бездушном космосе,
серп солнца виден был едва...

Молчали певчие, и вороны
не вскрикнули в полупотьмах.
Не пала тень на нашу сторону:
все было тихо на холмах.

ЭЛЕГИЯ

Не уходи. Пусть утро в окнах
Седой маячит головой,
Блестит асфальт, и тополь мокнет,
Дрожащей светится листвою.
Пока шампанское в бокале
Холодным искрится огнем,
Пока слова не перестали
Быть чудодейственней, чем днем,-
Не уходи. Ведь нам не часто
Приносит время радость встреч.
Звучит над городом молчащим
Дождинок сбивчивая речь.
Грохочут в трубах водопады,
Покорно падает вода,
Мерцают капли, как разряды,
На оголенных проводах...
Прекрасен мир дождливой ночи:
Он отрешен от суеты
И полон запахов и сочной
И полнозвучной красоты!
Часы глубокого покоя,
Черты любимого лица...
И жизнь бессонною рекою
Течёт - до звёздного венца.

* * *

Горькая охра курортного сада,
Рдеющий, редкостный луч.
Осень в терновом венце листопада,
Мир обнажен и горяч.

Выйду ль к реке - эти гулкие тучи,
Дали, как медленный звон, далеки.
Кануло лето камушком с кручи
В серую пустынь реки.

Северный ветер колосья тревожит -
Тихо, пустые, свистят.
Жизнь ли мою торопясь подытожить,
Так полыхает закат?

* * *

Только донника метелки
на высоких стебельках,
только солнечные пчелки
в отцветающих лугах.
Стрекозиные проказы
от болота невдали...
Под косою востроглазой
травы мягкие легли.
Уплывает лета лодка -
лёгкий струг берестяной.
Нахлебалась кровохлёбка
сладкой крови земляной.
Нахлебалось сердце боли
так, что было не вздохнуть...
Но со мною - лес да поле,
мой земной, короткий путь.
Солнца поздний одуванчик
в синеве бестеновой,
и серьёзный, стройный мальчик
с темно-русой головой.
Пусть соцветья облетели,
пусть и солнце - на закат:
сын, приглядываясь к цели,
над стрелою щурит взгляд.

* * *

Как хороши эти первые дни
Робкого зноя и мощного света!
Улицы серы, и лица бледны,
Зябко деревьям - далече до лета...

Но уповаем на завтрашний день:
Скоро все будет светлее и краше!
Ах, навевает ненужную лень
Зной, точно яблочко с неба упавший.

Так отчего - я понять не могу -
Грустью томится прохладное тело?
Или весны слишком долго хотело?
Или деревья милее в снегу?

Нет, но весной почему-то больней
Необратимое чувствуешь время:
Выросло за зиму новое племя,
За зиму стали морщинки видней...

Школьницей в фартучке скачет весна.
Друг мой смеется: нашла же заботу!
Да не состарились мы ни на йоту!
Веришь не веришь - а жизнь-то одна...

* * *

Ничего,
                  никого,
                                  никогда
не забуду из лет облетевших.
Всё со мной: молодая вода
горной речки - дикарки безгрешной,
и рудничная грубая биль,
и за нежность жестокая плата...
Всё, в чем я без вины виновата,
все, что случай когда-то убил.
Тем, быть может, и жизнь хороша,
что не вычеркнуть дела и слова:
всё к тебе возвратится, и снова
улыбнётся и вздрогнет душа.

Не отречься от прожитых лет!
не догнать убежавшую воду,
но не гаснет особенный свет
над особенным временем года:
школьный сад сентябрём занесен,
репетиция, музыка,

                                  поздно...

Мы читаем по листьям и звёздам:
будет счастье - для всех и во всём!

...Тех забот золотая руда
стала пылью. Но разве напрасно
так же нежно, тревожно и страстно
те же звезды глядят сквозь года?!

ЧУВСТВО ЗЕМЛИ

Что-то будет еще в этой жизни со мной,
что-то будет?..

Зов родных расстояний меня
на рассвете разбудит.

Хоть один родничок
под пятой января - да не сгинет!

Хлопотунья-судьба
предо мной свою карту раскинет.

Покачнутся леса под крылом,
индевеющим тонко,
и начнут небеса мою душу качать,
как ребёнка.

Или узкоколейка помножит на песню улыбки,
А в тайге замелькают
дождя непряденные нитки.

Будет праздник в деревне,
сверкнут самородками лица!

Словно в жизни страны
я открою живую страницу...

Я люблю это чувство земли -
крутизны и простора!

Обрывается сердце,
как глянешь на мир с высоты.

Объявляют полет...
Обрывается нить разговора,

Резкий вихрь от винта
до земли пригибает цветы.

Что-то будет со мной в этой жизни -
ещё
что-то будет!
Благодарствую, жизнь,
за колёса твои и крыла!
Что не праздников праздность -
родную грамматику буден
От щедрот своих мне
ты, великая, преподала!

НА СЕВЕРЕ БАЙКАЛА

Здесь склоны повиты сырыми ветрами
и травы колючи.

Здесь вечно пасутся, цепляясь за травы,
голодные тучи.

Здесь выбили волны в скалистом подворье
пещеры-загоны.

Здесь - кладбище нерп, оголенные корни,
продрогшие кроны.

Здесь райская птица гнезда не свивала,
восторгов не пела,
лишь гордые чайки хлопочут на скалах,
над пеною белой.

Лишь белые чайки ночуют на скалах,
под осыпью звездной,
да зимы вмерзают прозрачным кристаллом
меж бездной и бездной.

Но если земная вдруг ось покачнется,
взорвется мгновенье,
я знаю: отсюда иное начнется
времен исчисленье.

* * *

...И вёсел узкие запястья,
летающие над водой,
И чайки вечное приращье
к полету, к риску.
И прибой
у берега - от черной баржи.
А на мосту - трамвайный бег.
Отсюда сладко нам и страшно
увидеть дно знакомых рек.

Зачем влечёт и что скрывает
стихия сумрачной воды?
И я стою и замираю,
как от предчувствия беды.
Как будто жизнь мою уносит
река в студёный океан,
в себе мешая синь, и осень,
и ночь, и звезды,
и туман.

БАЛЛАДА О СТАРОМ РУДНИКЕ

Там бессмертники солнц
расцветают над сопкою голой.
Там картофель круглится
в суглинке, в колючей земле.
Там дорожная пыль
засыпает притихший поселок,
чье безвестное имя
словно искра в остывшей золе.

Днем и ночью ветра
все шумят над моей головою,
дикий персик шипами царапает руки мои...
Вот и снова пичуга нехитрую песню

ВЫВОДИТ -

это в сердце моем, словно в детстве,
поют соловьи!

И пыльна там трава,
и деревья низки и корявы -
но одиннадцать лет,
но влюблённости робкий апрель,
но летящий на кожу
шиповника отсвет кровавый
на опасной моей,
на стремительно узкой тропе!

Но бесснежные зимы
со злобно-карающим ветром!
На недалнем отвале
динамитом взрывают руду.

Я и нынче не знаю, что значит:
погонные метры,
но я знаю, как люди
ночами из шахты идут.

...Там теперь благодать:
всю руду из карьера свозили.
Всё, на круги своя воротясь,
поросло тишиной...
Всё - на круги своя,
лишь над маминой ранней могилой -
то дожди, то снега,
точно кадры немого кино.

Изработав себя
до последней живительной жилы,
мой старинный рудник
наконец-то спокойно уснул...
Что могу я теперь?
Вот, нескладную песню сложила.
Кто услышит меня?
Эти сопки да буйный багул.

СЕВЕРНАЯ ПЕСНЯ

Казалось: все. Казалось, из последних...
Но воля к жизни - светлая - сильна!
Запахнет дымом и теплом селений,
Летят заиндевелые олени,
Полярной птицей кружится луна.

И я шагну за полог полотняный,
И, поглощая сладкое тепло,
Я воспою протяжно и гортанно
Пространства, холод,
Ночи и туманы -
В них жизнь моя,
И поздно или рано
Покинуть их мне будет
Тяжело.

ПРИОНОНЬЕ СТЕПНОЕ

Здесь преступную волю ковал Чингисхан,
здесь он смерть, по преданью, обрел.
Затерявшийся в сопках проклятый курган
охраняет безглазый орел.

Приононья степного всхолмленный простор!
В остро пахнущих травах блуждает дымок.
Вот привиделся мне меж шатрами - шатер,
Вечный ужас не скроет хозяина взор:
лютый зверь и в лесу одинок.

Низкорослые кони взмутили Онон,
так и ныне течет он - с бедой пополам.
Вот почудился мне наковален трезвон.
То ли дикая песнь, то ль придушенный стон.
Становище кочевников - древний бедлам.

Ах, зачем эти тени тревожить опять,
воду чёрную в ступе толочь?
Ведь над этой землёй подняла меня мать,
чтоб умела я видеть, и слышать, и знать,
чтобы помнить о ней день и ночь.

Не костры, не шатры, не коней табуны,
не чужая гортанная брань -
здесь руно золотое растят чабаны,
и, возделаны миром, поля зелены,
и знобьяща российская рань.

Я на вздохе холма, как на гребне волны,
ярый ветер за повод ловлю.
Он встает на дыбы, головой до Луны,
он поет, обитатель небесной страны,
не о том, чем живу, а о том, что люблю.

Сухо пахнет бессмертьем осенний чабрец,
треплет ветер полынную прядь.
Мне отсюда уйти, как спуститься с небес,
невесомость свою потерять.

ОСА

То пашня чёрная, то жёлтая стерня,
то островки зимы, то небушка осколки
вдоль тряского шоссе.
Сибирская весна!
Свидетельства твои и ласковы, и колки.

Село среди полей с названием «Оса»,
отсеяв, отпахав, утрелось на припёке.
Водитель, не спеши, нажми на тормоза:
в берёзах снежный свет и солнечные соки.
Ты слышишь: тишина... Поёт в снегу ручей,
а жаворонки к нам еще не прилетели.
Воскресный сонный день,
и трактор, как ничей,
на пахоте стоит потерянно, без цели.

А верба отцветет, осыплются жарки,
и под приглядом солнечного ока
пшеницы (дай-то Бог) родятся высоки,
картошка и морковь нальются сладким соком.
Земля - везде земля. Бурятское село -
и узкие глаза, и русские улыбки.
Крестьянской мудрости спокойное тепло
в речах бесхитростных, а в сущности великих.

Трещит обложка дня от черных новостей.
С былых пророчеств мы содрали паутину.
Трагедии грядут... А ты паши да сей:
спасай народ,
спасай, крестьянская дружина!

ДОРОГИ УСТЬ-ИЛИМА

Слепящее, тяжёлое, как ночь,
стояло в небе северное солнце,
и синева морозная ломилась
в прозрачную проталину окна.
Разбухшим сердцем, кожей бледных щёк
я понимала кислородный голод.
Смешались и отяжелели мысли
под стрелами космических лучей.
По гребню ГЭС - точнее, по хребту, -
гремя железом, вез меня автобус,
битком набитый, нервный и усталый,
над задремавшим морем Ангары.
Рабочие, а также ИТР,
вцепившись в верхний поручень руками,
пропахшими мазутом и железом,
дремали стоя - смена позади.
Вцепившись в почву бедную, дремали
у края трассы худенькие сосны -
больные дети северного солнца
и мерзлотою скованной земли.
Река катила льдины и шугу,
и всюду здесь, куда достанешь взглядом, -
безбрежность неба и безбрежность снега,
как постоянства строгий образец.

Обугленное сердце остудить -
к твоим снегам я припадаю, Север.
Не будет больше ни любви, ни боли:
я смерть свою, увы, пережила.
А пережив, к рассвету возвратилась.
И вот судьба сменила гнев на милость.

И, слава богу, столько есть на свете
высоких, ясных, честных, молодых!
А в лебедином горле Ангары
такая мощь энергии клокочет,
что хватит мне не на одно столетье
земного, всетворящего огня!

* * *

В августе ночи в Саянах,
черные, холодны.
Слепо бредут туманы,
горы едва видны.
Спит у реки поселок -
съежился, опустел.
В сених ружье.
И колот
все ещё не у дел.
За полдень - солнце согреет
весь благодатный край.
Поздние травы зреют -
выйди и собирай
на зиму эту роскошь;
всякая травка - жизнь!
Что ж ты меня торопишь?
Коршун ещё кружит.
Небо синей, чем можно
вообразить себе.
Все еще так несложно
нынче в моей судьбе.
Сердце ещё причастно
радости и добру.
Горстью из речки - счастье
пью на сыром ветру!

АРШАН

Вулканический прах на дороге,
вечных странствий бесстрастный мотив...
Простодушны бурятские боги,
им не надо ни жертв, ни молитв.

Божества плосколицые эти
не дано возмутить суете:
узкий взор созерцает столетья,
как круги на озерной воде.

Здесь шагай, да о вечности думай,
да гляди, не идёт ли гроза.
Здесь душа не бывает угрюмой,
не бывают пустыми глаза.

А когда обронённой монетой
под холмом засверкает аршан,
ты напьёшься шипучего света,
ясным холодом жизнь освежа!

Здесь наивные встретишь приметы
поклонения Богу бурят:
подари ему денежку, ленту -
вот и весь немудреный обряд. -

Укроти городскую гордыню,
отплесни на полянку вина -
и к тебе подобрееет отныне
духи гор и лесная страна.

В становище бессмертных деревьев
удержи ускользящий миг:
молчаливые бродят поверья,
стерегут драгоценный родник...

ЭКСКУРСОВОД

Тайга не спешит к увяданью...
Огромна, как мир, тишина.
Но раннюю грусть ожиданья
Прозрачно таит глубина.

Скользит полусонная рыбка,
Как чёрный штришок в бирюзе.
А волны нешумно, нешибко
Бегут к каменистой косе.

И - знак осторожной угрозы -
Мне на сердце ляжет опять:
В уборе прибрежной березы
Сожжённая инеем прядь...

Но небо светло и открыто,
Меня утешая, звенит,
Что горькую зелень нефрита
Сосна в оперенье хранит.

И смотрят, примолкнув, туристы
В серебряно-синюю даль,
На горы, на близкую пристань:
Их тоже кольнула печаль.

Я всё им сказала. Меж нами
Уже отчужденье легло.
Иссохшими чую губами
Родных расстояний тепло.

Чужие - уедут отсюда,
Лишь сердцем успеют принять
Сибирское светлое чудо,
Бёрезы горячую прядь...

А мне - оставаться...
И слушать,
Как буйная Роза ветров
Шипами вонзается в сушу,
Как, сон перемирья нарушив,
Готовит ледовый покров.

* * *

В слепую ночь Байкала посреди
Озёрных духов ты не разбуди.

Чтоб не восстали из холодных вод,
Судёнышко не взяли в оборот,

Не захлестнули б чёрною волной,
Не забросали дробью ледяной.

Четвёртый час мы бьёмся о туман.
Стоит туман, как белый истукан:

Над мёртвой зыбью руки распростер...
Невольно замер в рубке разговор.

Всё тяжелей дыханье водных масс...
Мы здесь, как цепью, скованы сейчас

Единой волей, чаяньем одним.
Спешит кораблик к огонькам родным,

К родной душе торопится душа,
Седым туманом вечности дыша.

Озёрных духов в эту злую ночь
Я вызываю - я прошу помочь.

Лучом звезды, что глазу не видна,
Родную душу высветить до дна.

Лучом любви хочу коснуться ран.
Да не разбиться б о слепой туман!

* * *

Спит человек у нашего костра.
Он из тайги. Один. Немногословен.
Он нашим чаем и костром доволен
И здесь проспит, как дома, до утра.

Его одежда дымом и смолой
Давно пропахла. Щёки побурели.
Пускай ладони прочно огрубели,
Зато улыбка не бывает злой.

Всю жизнь в тайге.
Премудрости её
Постиг он с детства.
Всё, однако, знает:
Где соболь спит, где лоси обитают
И как добыть из камня мумиё.

Он утром вскинет на плечи рюкзак.
Собаку кликнет. Ружьецо приладит.
И нам кивнет - и по сырой прохладе
Уйдёт. И горы заглянут в глаза.

Куда уйдёт по стыни голубой?
Какие тайны унесет с собой?

* * *

«По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах...»
По праздникам песня такая
Звучала в рудничных дворах.

А праздники круто справлялись!
Я помню, за нашим столом
Тоска и веселье казались
Затянутым насмерть узлом.

Я песни не знаю прекрасней!
Бродяга, в наш дом загляни:
Твой путь одинок и опасен,
Тебе эти люди сродни.

Дадут тебе хлеба и водки,
Фуфайку, чтоб легче жилось.
Уйдёшь ты тяжелой походкой
К Байкалу - в легенду, в мороз.

Уходит... А песня осталась:
Звенящие глухо слова.
Да детская острая жалость
К бродяге тому всё жива.

Легенда, печалью повита,
Вплелась в мои ранние дни.
Мгновенье забытого быта -
Звезда в черноте полыньи.

НАД ВОДОПАДОМ

Если даже в груди твоей -
безупречное сердце серны,
если в твоих глазах -
рыси лесной зрачки,
не бахвалься! Не ровен час:
сделаешь шаг неверный,
камень сорвется вниз, и,
как по воде круги,
эхо пойдёт в горах
вторить твой крик невольный,
острый, тоскливый крик,
жгучее слово: жить!
Дикий колючий куст
ягодный град уронит,
ветку тебе подаст -
крепче её держи.
Крепче держи своей
верную руку друга.
Ногу на выступ ставь.
Дыхание переведи.
Сердце - ровней, ровней...
Острая боль испуга
белым комочком льда
тает в твоей груди.
Видишь: бежит тропа
прямо над водопадом.
Тучи себе гнездо
свили среди вершин.
Крохотное, внизу
чуть шевелится стадо...
Как этот мир хорош,
правнукам расскажи.

* * *

Тучи валом идут на восток -
За горою сырая гора.
Кружит-катится жёлтый листок,
Брызжет искрами сердце костра.

Донным холодом вздыбленный вал
Бьет о камень - клинок о клинок.
Серой соли колючий кристалл -
Хрупнул день, раскрошился у ног.

Полно озеро сумрачных дум,
Хрипло дышит - в бреду, в полусне...
Под ночной, под безлиственный шум
Зимний сон подступает ко мне.

От костра в темноту
Чуть шагнёшь -
И пропал...
Я от страха умру!
Начинает капать дождь...
Так живу - словно ветвь на ветру.

На ветру - с неприкрытой душой
Да с печалью, какой не избыть.
Не придумать мне жизни другой,
Цепи горные мне не разбить.

Не уйти, как уходит вода,
Под холодную ласковость льда.

* * *

Город замер вдали - и открылся
Безуютный, суровый простор.
Вскинул ветер холодные крылья,
В тальнике шебуршится, как вор.

На болоте вода просветлела.
Древней ратью стоят камыши...
Что мне делать с душой онемелой
В этом мире, где нет ни души?

Там, на севере, в остром сверканье
Грозовые стоят облака,
Как, пришедшие с тьмутаракани,
По-над Русью глухие века.

Это осень идет по Сибири!
Ветер плащ вырывает из рук.
Грозовые раскинулись шири,
Очертили незамкнутый круг...

РАССВЕТ НА БАЙКАЛЕ

Я волосы сушу на берегу:
холодных брызг в них набросали волны,
и волосы байкальским ветром полны,
и солнце в них ночует, как в стогу.

Встречаем утро в бухте голубой!
На серых скалах дремлющие чайки
срываются за первыми лучами,
кричат, с разлету падая в прибой.

Зеленый гимн у скал поёт вода,
и колокольни каменного века
гудят, ей подпевая.
Струны света
уходят в глубину, как невода.

По горизонту тянет лесовоз
гурты плотов, и труженики моря
негромкий порт Байкал увидят вскоре,
и вновь уйдут, и вновь потянут воз...

Скажите, неужели это я,
задерганная бытом горожанка,
гуляю здесь, где так свежо и жарко,
где бесконечен праздник бытия?

Хулу я поделила на хвалу.
Все не важнее травки-повилики -
здесь, где по склону кедр,
как Пётр Великий,
шагнул, корнями расколов скалу.

* * *

Открылась бездна, звезд полна...

М. Ломоносов

Небо над Байкалом открывает
густо населенное пространство:
ангелы,
и спутники,
и звёзды
движутся, и блещут, и поют.
Кто сей ночью звёздный бал затеял,
все созвездья разом перепутав?
Кто, незримый, спички зажигает,
чиркая о чёрный небосвод?
Что, как звезды к утру позабудут,
где их гнёзда в этом вертограде?
Что, как от летящей звёздной спички
вспыхнет прибайкальская тайга?
А ведь там зверьё лесное бродит.
Там геолог дикий обитает,
и строитель, намахавшись за день,
спит коротким, но блаженным сном.
...Дремлют травы в росах влажной ночи.
Лось поник тяжёлой головою.
Лишь Байкал огромным, влажным оком
смотрит в небо миллионы лет.
Только мы, земные человеки,
одарённые душой бессмертной,
в узком лепестке рыбацкой лодки,
как песчинки меж больших ладоней,
между двух стихий заключены...

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Ещё весна ветвей не распушила,
Желты пучки кладбищенской травы...
Мешаясь с ветром, бродит по могилам
Дымок с пожаров хлама и листвы.

Там, в глубине, - стена мемориала
В честь умерших от ран в госпиталях:
Столбцы имен, и целые кварталы
Могил солдатских - чёрные провалы,
И чёрные вороны в тополях.

Здесь край дорог. Конец повествованья
О крестной муке, принятой людьми.
Здесь все слова, как угли, остывают.
Лишь сад шумит, негромко отпевая
Слепой войной зачёркнутые дни.

Шумит ли ветер, ропщут ли деревья,
Иль это те, кого не укорят,
На языке беспамятном и древнем
Все о своём, о прошлом, говорят?..

Мне голоса их, кажется, знакомы.
Их лица в зыбком воздухе сквозят.
И словно стены неродного дома,
Их окружает этот скорбный сад.

Но наступает Мая день девятый -
В обратный путь пускаются года,
И ходят здесь весёлые солдаты -
В пилотках, гимнастерках неизмятых -
Такие ж молодые, как тогда...

СОЛОВЕЙ В АЛЕКСАНДРОВСКОМ САДУ

Заблудиться в зелёной Москве -
как в зелёной тайге заблудиться...
Полпланеты вращает столица,
посредине - поет соловей.

Клетка сада певцу не тесна.
Воздух яркою дробью прострочен.
Так звони же, звонарь полуночи!
Полпланеты вскружила весна.

Где Державин строку тяжелил
славной тяжестью русского смысла;
где Есенин так горько кутил
с вечным чувством смертельного риска;

где сверкали во все времена
все созвездья Российской Державы -
ты звенел неподкупную славу,
пробуждая ленивых от сна...

Протяни мне надежды питьё,
одари меня речью певучей!
Мне, как солнышко, светит сквозь тучи
незакатное имя твоё.

Я, Москва, из твоих прихожан.
Неприметна ни ростом, ни ликом,
здесь стою потрясенно и тихо,
Краснокаменный чувствуя жар...

Как изгнаннице прежних времен,
будет сладко и памятно это:
на излёте сибирского лета
услышать пересвет-перезвон...

КОНТОРСКИЙ РОМАНС

Бумажные дела...

бумажные заботы...

бумажные цветы на рынке поутру.

Бумажный свиток дней

дотянешь до субботы -

спеши, влачи домой

усталость и хандру.

А в городе царит высокий,

резкий ветер,

верхушки тополей ломает на бегу.

Глаза самой весны

сквозь веки почек светят..

Не впишешь целый мир

в единую строку!

Как душу не связать,

не втиснуть в рамки быта

пока она жива,

пока она болит...

Весенний брызжет свет

сквозь серенькое сито

обыденных забот,

обыденных обид,

И я вам говорю, с трудом отодвигая

тяжелый гроб стола и скучную цифирь:

- Вы слышите, с полей

идет волна тугая

и звёздами сорит

полнощная Сибирь!

Ужель всего важней -
        разученные ноты
звонков, казенных фраз унылая муштра,
бумажные дела,
        бумажные заботы,
бумажные цветы - на рынке по утрам?

* * *

Вчерашняя метель запорошила звёзды,
С гряды неровной крыш сухой стяхнула снег,
Небрежною рукой захлопнула подъезды,
Бог весть куда неслась по снежной целине.

Вчерашняя метель - недоброе похмелье.
Неприбрано в душе. Нетоплено в доме.
Потрачено полдня на странное веселье
Среди людей - чужих по сердцу и уму.

Немудрый человек! Пред истиной покаяйся.
Могла бы промолчать, не тратить слов зазря!
Так вот тебе - глотай постылое лекарство...
Уже глядит в окно вечерняя заря.

Нет, печку растоплю весёлыми дровами!
Я в музыке огня семь благ себе найду.
Стол, книги, тишина...
Засыпаны снегами
Кусты смородины под окнами, в саду.

ПАПОРОТНИК

Я живу в незнакомом лесу.
По ночам первобытные птицы
Над палаткой визжат и хохочут,
Обрываясь неожиданно в пике.

Кто-то тёмный идет по тайге,
Раздувает лесные пожары,
Разоряет уютные гнезда,
Заплетает змеиный клубок.

Скоро папоротник расцветет.
Скоро ночь на Ивана Купала.
Желтый месяц болезненно тает
Над верхушками старых берез.

Ровно в полночь пойду я искать
Клад, оплаченный собственной кровью.
Отыщу нелукавое сердце
Или сгину в смертельном кругу.

В НАЧАЛЕ ЛЮБВИ

День начинался с утреннего ветра
Над прозеленью выпуклого льда,
С больших дымов, стеклянно-ломких веток,
С души неутоляющего света,
Студёного, как в проруби вода...

День начинался - вечно суетной,
Обычный день, но в варежке холодной
Я проносила улицу людной
Твоей руки чуть осятительной зной.

Внутри меня, в глубокой тишине,
Колосьями слова произрастали -
Их тонких стеблей не касался снег,
Они ломались, но не умирали.

Они слагались в музыку,
Они
Позванивали в стройном напряженье!
В них было всё: и города круженье,
И невозвратно прожитые дни.

Что это было? Вовсе не любовь -
Высокий лад новорожденной дружбы...

С каким трудом одолевает стужу
Чужой души едва понятный зов!

ВРЕМЯ

Пока я живу на земле -
Так медленно тянется время:
Летучее падает семя,
Сосна прорастает в скале.

В ледовых объятьях река
Стремниной туманною дышит,
И медленно ветер колышет
Тяжелые облака.

Немало воды утекло,
А озеро так же глубоко;
Несуетно машет крыло,
А птицы летят издалёка...

Томительно тянется день,
А год пролетает, как пуля,
И желтые волны июля
Смывают короткую тень

Минувшего...

Что же держишь меня?
Отпусти с новогодней метелью!
Я сожгла свою жизнь на огне
твоих зимних костров.
Но - гордыню сломить
ты не сможешь, и я не сумею.
И стоим, и поём
под жестоким разрывом ветров.

* * *

Деревья стоят, словно кубки
Со снежным сыпучим вином,
И воздух, искристый и хрупкий,
Синицей звенит за окном.

Не здесь ли, в продрогших кварталах,
Моя потерялась душа?
Не здесь ли я счастье искала,
Метелью и мглою дыша?

И только тревожно светилось
Чужое окно на углу,
И только шоссе уносило
Бессонным пульсаром во мглу.

И - мимо немых светофоров,
И - мимо взлетевшей руки -
Слепящих огней метеоры
И красных огней поплавки.

Пока я неспешно спешила
За счастьем - и мимо него,
Я, кажется, просто забыла
Значение слова сего.

* * *

Был поцелуй среди зимы
И осторожен, и шершав...
Густели темные дымы
Над крышами чужих держав.

Цвёл иней, словно на луне,
День на излом был твёрд, как жесьть,
И, налетавшая извне,
На стёклах окон стыла весть

О всех тревогах на земле,
О том, что солнца в небе нет...
В пустой квартире на столе
Стыл чай с обломками галет.

Был дом, как скит, угрюм и пуст -
В нем одиночество твоё
Вставало, словно снежный куст,
И заполняло бытиё.

О, одиночеств наших зло,
О, отчужденья полоса!
Всезнанья битое стекло,
Зима, попавшая в глаза!

И, недоверчивые, мы
Молчали, нежность удержав.
И поцелуй среди зимы
Был осторожен и шершав.

* * *

Пахнет улица свежим снежком
Да калёным кедровым орехом.
За полозьями струнное эхо
По морозцу бежит босиком.

Славный вечер для звёзд и стихов!
И душа, от страстей остывая,
В чёрном небе одна проплывает,
Не пугаясь ночных облаков.

Благодарствуй, сестрица-зима!
Мне с тобою спокойней и проще.
Свист лыжни - твой стремительный
росчерк,
Жизнь легка, как пустая сума.

В эти ночи, восторженно-ярок,
Из-за южного края земли
Всходит Сириус, словно подарок
Всем живущим - вблизи и вдали.

Светлый Сириус, пламя со льдом!
Стань мне высшей мечтой и надеждой,
Чтоб душа, бесприютная прежде,
Не блуждала в морозе седом.

* * *

Зачем Вам знать, как я жила в те дни,
Как было в доме холодно и пусто,
Как посреди всесильной толкотни,
Не умирая, теплилось искусство?

Оно горело свечкой на столе,
А не торшером около постели.
Раскачивали колокол метели,
И леденели ветки тополей.

К шести часам сгущалась темнота,
И бледным льдом надолго оплывало
Мое окно. Я напрочь забывала,
Что в мире есть любовь и доброта.

Так я жила. Чужая средь чужих,
У хитроумных не прося совета,
Зимы четыре и четыре лета.
Я умирала - но осталась жить.

Не Вы тогда в мою стучались дверь.
Зачем Вам знать, как я живу теперь?

ИМЯ

Гаданье старое: кольцо на дне стакана,
Свеча и зеркало - и тени на стене...
Мне имя русское, крестьянское: Татьяна -
Простая вышивка на грубом полотне.

За шторой Времени - мерцание лампы,
Надежды девичьи да женская тоска.
Да ожидание единственного взгляда,
Да гривой конскою скользнувшая рука.

А эта девушка над книгой Ричардсона,
Где меж страниц засушены цветы, -
Сестра? Соперница? Ревниво и влюбленно
Гляжу в далекие, знакомые черты.

Мы чем-то связаны - не кровным,
но сердечным,
Над чем не властвуют пространства и века.
Зима в лицо моё пылит
холодным встречным,
И дремлет в варежке горячая рука.

* * *

Застыдилось морозное солнце,
замечталось у края земли.
Миг таинственный: в каждом оконце
блики алые вдруг расцвели.

Снег лежит зачерствелою коркой,
примилив черепицу и толь.
Ранний сумрак, дымами прогоркнув,
быстро входит в привычную роль:
разлучает дома и деревья...

Но огнями проколота мгла:
ты, моя городская деревня,
свои тихие окна зажгла.
Затопила простывшие печи,
домочадцев к столу позвала.
Всё обыденно, всё человечно.
Здесь я быстрые годы жила.

Жизнь - не сказка. Вот повод для грусти.
Но не смею ни в чём упрекнуть
бездорожье мое. Захолустье.
Мой по жизни единственный путь.
Дождь ли, грязь - я из всякой мороки
выплываю на доброй волне!
Слава Богу, что лучшие строки
я в живом находила огне.

* * *

Мне славно жилось той зимою:
Два светло-холодных окна,
Метель голосит за стеною,
Колышется снега стена,
Прносятся снежные птицы
И снежную песню поют,
Летят ледяные зарницы
И дымные тени снуют.

И в этом метельном мельканье
С любимую книгой в руке
Я, как в штормовом океане,
Жила на своем островке.

И в этом мельканье метельном
Под мягко светящийся снег
Душою моей безраздельно
Владел девятнадцатый век.
И, словно педаль клавикордов,
Скрипела замёрзшая дверь...
Я воду носила, и в вёдрах
Плескалась живая форель!

При солнце, что ярче малины,
При ветре, студёном, как лед,
Мне снилось: княгиня Мария
Навстречу метели идёт.
Идёт, предвещая денницу,
Навстречу судьбе и молве,
И пушкинский стих, словно птицу,
Под шубкой несёт, в рукаве!

ПЕСНЯ

Мой олень, Золотые Рога,
Ты уходишь, земли не касаясь.
Слишком воля тебе дорога!
И тропа из-под ног ускользает.

Спит равнина, а горы зовут,
Снежной вечностью душу тревожат.
Слава дню, что возвышенно прожит
В ожиданье счастливых минут.

Скоро солнце оставит зенит.
Встанет стража теней на дороге.
Не моя тебе вслед, златорогий,
Золотая стрела прозвенит.

Уходи - я держать не хочу -
В те края, где дымятся торосы.
Сронит жимолость горькие слёзы,
Вскрикнет эхо. А я промолчу.

По дороге сухой и седой
Я уйду к своему перевалу...
Мне еще далеко до привала.
Ухожу за живую водой.

* * *

Всё же мир - вдохновенье и тайна,
Вечной музыки вечный исток.
Так пронзительно, празднично тает
Над тобою листвы шепоток!
Так пронзительно облако светит
Над коричневой гривой сосны!
Отгремев, отступают столетья
За высокий порог тишины.
Так однажды неслышимым шагом
Я уйду мимо сосен - туда,
Где в глубоких и чёрных оврагах
Голубая рождается вода,
Где веселые, грозные соки
Будоражат молчанье глубин,
Где понятна и песня осоки,
И предутренний трепет рябин...

НА ПОРОГЕ ВЕСНЫ

Снегопад на пороге весны
Отличается мягкостью нрава:
Всё, что было черно и коряво,
Стало белым подобьем волны.

Бесконечно желала душа
Этой плавности форм и движений!
Узких лыж замедляя скольжение,
Вот блаженство - в ладони дыша,

Принимать до мельчайшей черты
День из воздуха, солнца и снега!
Это детски-неопытный слепок,
Неуверенный слепок с мечты...

В сочной тяжести поздних снегов -
Тяжесть колоса, полного зерен,
Алым светом налитые зори
И покой полнотравных лугов.

НА АЛТАЕ

Мы в горы шли - и вдруг тропа пропала.
Трава, как лес, нам преградила путь.
И ветер, ветер, и крутые скалы,
а над обрывом - боязно вздохнуть.
Я выпрямилась, страх стряхнув упрямо,
И от восторга, глянув, замерла:
весь горный мир - Алтая панорама,
как будто фантастическая драма,
причудливо у ног моих легла.
Страна легенд, кочевий и печали -
суровый мир языческих племён -
подожжена закатными лучами
и полыхает с четырех сторон!
Вдали, как змейка, там река стекала
с вершины, извивалась между гор;
на дне долины облако стояло
и алой каплей виделся костер.
Мы шли к вершине сквозь закат и ветер.
Несметных трав творилась кутерьма.
День остывал, смежал златые веки,
а из ущелий уж глядела тьма...
Вдруг перед нами двинулась скала - и,
южней заката, за ночной рекой,
из облаков возникли Гималаи,
и старый Рерих помахал рукой!

В СТЕПНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ

И вскипали зернистые реки,
И пылала, и тлела жара.
А теперь - о коротком ночлеге,
О покое подумать пора.
О куске чуть подсохшего хлеба,
О глубоком глотке молока...
Степи, степи да звёздное небо,
Между ними, как реки, - века.
И моё небессмертное сердце
Меж травой и скопищем звёзд
В этих сумерках иссиня-серых
Тайным светом исходит, как воск.
Здесь живу - очарованной гостьей,
По-гурански тонка и смугла.
Длинноостых семнадцать колосьев -
Ясный возраст, не знающий зла.
Не гадаю, что было, что будет
За чертой беспечального сна.
Только пусть меня завтра разбудит
Золотое журчанье зерна!

ЛЕДОСТАВ

Планета бурь и вечных треволнений,
опять Земля купается в снегу...
Каким непостижимым мановеньем
судьбы я - здесь, на этом берегу?

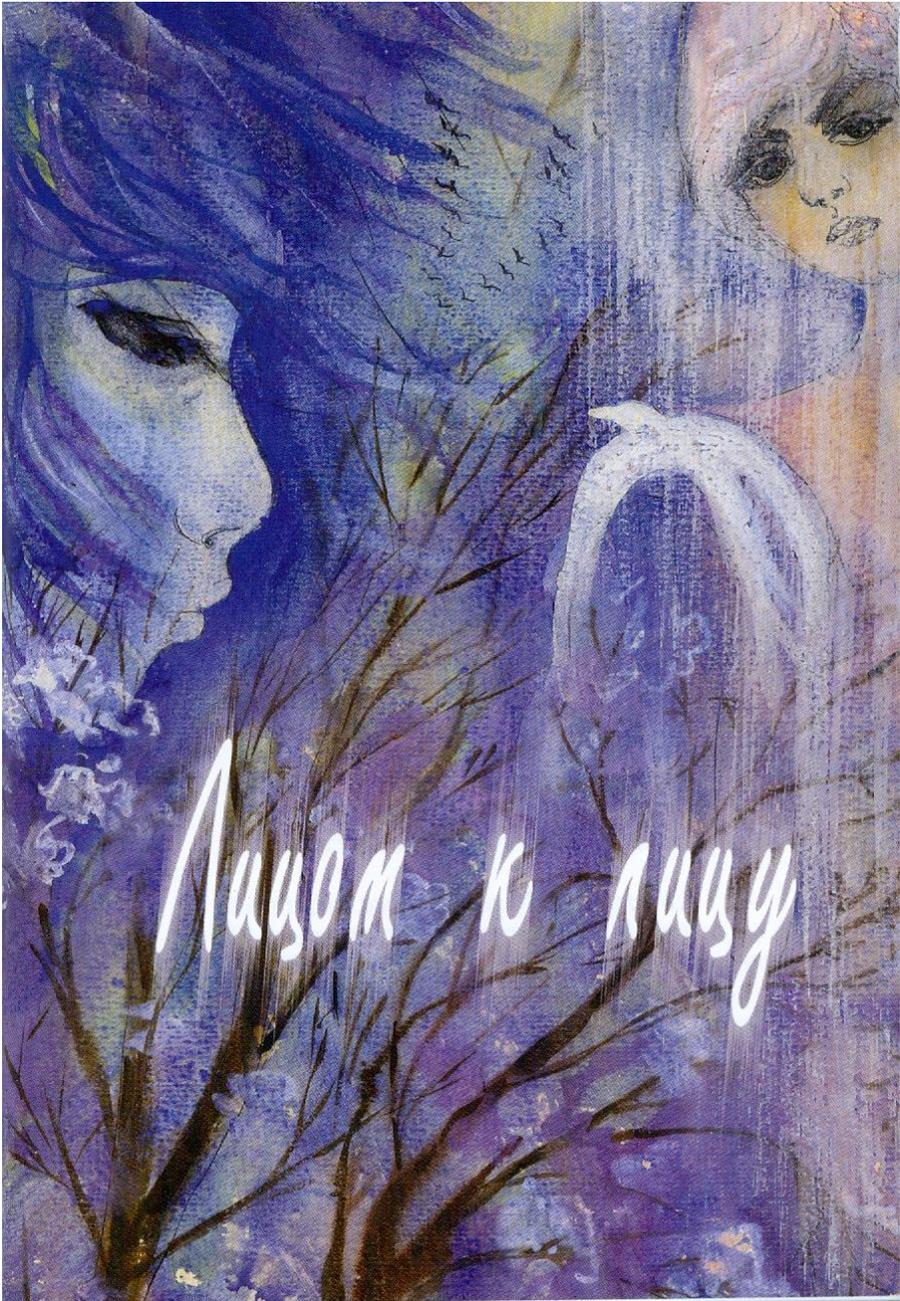
Здесь лунный призрак не рождает света.
Впитала полночь дикая вода.
Скрипят и трутся льдины до рассвета,
и резкий пар пророчит холода.

В такую ночь уснуть не могут дети.
Нечистый дух торит дорогу злу.
Куда же ты - мой друг и благодетель?
На ближний свет, к случайному теплу?

Не уходи! Давай костёр разложим,
переживем и шторм, и ледостав.
Мы станем здесь сильнее и моложе,
на мглу и холод дружбу испытав.

Здесь поутру такое вспыхнет солнце
на нежно-голубых изломах льда!
И в искупленье ужаса бессонниц
среди бела дня мне явится звезда.

Но сытость - бог, которому ты служишь...
Как поздно мы друг друга узнаём!
О, пред тобою дух мой безоружен.
Ты мертвый камень на пути моём.

* * *

На уровне второго этажа -
Весна в обличье птичьего собрания.
Решают жизнь - наивные создания,
Любым мгновеньем жизни дорожа.
Ткань облачная рвется на ветру,
Во льду залива трещины открылись,
А древний ствол так сумрачен и жилист -
Его пустотам свет не по нутру.

Торопит день весенние дела,
И город полон снегосборным гулом,
А я ещё на солнце не взглянула
И календарный лист не сорвала.
И на уме, и на сердце - зима.
Я все еще кружусь в ее метели
Снежинкою - без помыслов и цели:
Жизнь суета и будущее – тьма.

То чудится: бреду сквозь бурелом,
Хватаю ветер, рву напрасно жилы -
Задачу-жизнь я так и не решила,
Лишь испытала душу на излом.

Но яркий луч, что разбудил снега,
Льды расколел и встрепенул березы,
Вошел в мой дом, слизнув со стекол слезы:
«Да кто ты есть, что жизнь не дорога!»

Как видно, птицы, лоси, тополя,
Пучки травы и прутья краснотала
Мудрей тебя!
Вслепую ты искала
Все то, что им дала сама земля.
Иди же к ней! Коснись ее рукой -
Глаза прозреют и срастутся жилы.
И как бы жизнь тебя ни закружила,
Вернутся вновь и радость, и покой».

ФЕВРАЛЬСКАЯ ЛАЗУРЬ

Февральские ветра
с вкраплениями капли...
Февральская лазурь
с прожилками тепла...
Сегодня из тайги
примчались свиристели -
Повсюду слышен звон
хрустального стекла.

Весь иней отряхнут!
Все слухи перескажут!
Приметливый глазок.
Задорный хохолок.
Февральская лазурь
лежит на снежном пляже -
Гуляет вдоль и вспять искристый холодок.

Искринки на снегу никто не подбирает.
Не слушает никто таёжных новостей.
Куда идет народ?
Куда бегут трамваи?
Куда несется век громоздких скоростей?

.. Но мне-то их прилет
не кажется напрасным:
О жизнь моя, с горы несущаяся вниз!
Как слезы на глазах:
«Мгновенье, ты прекрасно.
Мгновение мое, остановись!»

* * *

Доведена до белого каленья
жестокая красавица - зима.
Но мчится молодое поколение
неведомо куда! И я сама

всё еду, всё бегу - и догоняю
мерцающий, скользяще-краткий день.
Напрасно чьи-то двери открываю:
здесь жизнь идёт далекая, другая.
И вот уж тень находит на плетень.

Свистит мне вслед поземка снеговая.
Взлетев бегом
в домашний теплый плен,
я солнышко из воска извлекаю
и открываю... «Книгу перемен».

ВЕРНИСЬ

Как виноградина в вине,
перебродив с толпой ревущей,
переборов стихийный страх
надрыва иль невольной лжи -
вернись к себе, в свой тайный мир,
и отстраненный, и насущный,
и слово, данное судьбой,
как Богом данное, скажи.

И слово, ставшее звездой
в созвездье Лебеда иль Лиры,
прожжёт лучом голодный зев
безмерного небытия.
И человек поднимет взгляд
и ощутит, в согласье с миром,
единство хлеба и звезды
и неба хрупкие края.

КОРЕНЬ КВАДРАТНЫЙ ИЗ -1

Не извлекай ужасное число!
Под этой крышкой гроба корневого
Бушует хаос, и всевластно зло,
Там нет того, кому название - Слово.

Но, заглянув во тьму небытия,
Дитя любви, дитя огня земного,
Свой тайный ад, свое второе Я
Не поднимай, как муть, со дна морского.

А кто поднимет - будет обожжен
Огнем небесным, взором без пощады,
Безумием при жизни поражен,
И рухнет безвозвратно
В пропасть ада.

И только Бог, чья истина - любовь,
Уходит в ночь и воскресает вновь.

ПРОЛОГ

Как ночь бездонна над моей страной,
И как мрачна ночная тишина.
Над этой - воровскою - тишиной
Висит, как Ужас, бледная Луна.

Не прогремит, гружённый тяжело,
Состав по неизменному пути,
И самолета светлое крыло
Родной звездой меж звёзд не проблестит.

В заброшенных портах моих морей
Недвижны заржавелые суда.
Там дышит в окна яростный Борей -
Под страхом смерти стыннут города.

Восстанет утро, но не позовёт
Людей на праздник честного труда.
Как мертвый зверь, лежит во тьме завод.
Деревня пьёт, и смерть свою зовет:
Царь-Голод здесь пасёт свои стада.

Бессмысленно мерцает циферблат
Часов... но Время больше не идет,
А может быть, оно идет назад.
И в страшном сне забыл себя народ.

А там, где торг свивается, как Змей,
Кусая хвост, корыстью небо застит,
Идёт народ - не раб и не злодей, -
Стоит Христос, незримый меж людей,
И нищий духом все вопит о счастье...

БАЛЛАДА О ПОСЛЕДНЕМ ВАГОНЕ

Горит, горит село родное,
Горит вся Родина моя...
Народная песня

Разгорается день,
        как волшебный зелёный фонарь.
Свет растёт изнутри
        и становится всё горячее,
Словно юной листвой зарастает столетняя гарь
Под фанфары весны,
        под её золотым излученьем.

Словно светлые воды
        покрыли привычную грязь,
Округлили волной
        острия, и шипы, и уголья.
И лежит в чистоте
        мир бесценный, на солнце искрясь
Самоцветным огнём
и морской жизнетворною солью.

И охрипшие птицы вновь учатся песне родной,
И зверьё вылезает из нор, озираясь на диво...
Отдыхает земля,
        и трепещет стрекозами зной,
И мгновенные грозы приносят
        блаженные ливни.

Ветер в уши мне крикнул:
        - Твой поезд ещё не ушёл!..

МОСКВА. 1993

1

Едва не сгнула во льдах
одна великая столица.
Как мы прожили этот год -
не спрашивай, Господь с тобой.
Скользя и падая, впотьмах
от ветра закрывали лица,
и вместо выхода исход
нам виделся порой.

Октябрь, сгнув навсегда,
ещё болел в народном теле,
как будто пули этих дней
не вынул военврач...
От ужаса и от стыда
глаза в глаза глядеть не смели...
И покатился вал смертей
и новый русский плач.

2

Я голос сорвала на этом сквозняке...
Не отмахнуть от глаз
сухой завесы пыльной.
Я зачерпнула жизнь, взглянула - а в руке
пучок сухой травы
да тень сгоревших крыльев.

А было ж: полыхал костёр в сырой ночи,
где больше ни огня и ни души не брезжит.
Бросал к ногам Байкал
холодные ключи,
чтоб отпить зарю над чистым побережьем!
Теперь среди людей, как не в своей стране.
Кричу или молчу - в ответ лишь ветер свищет.
Народы сквозь меня проходят, как во сне...
С ума сойти - идти сквозь эти толпы нищих!

3

Как обезумевшее стадо,
режут машины на Тверской.
И мокнет всё (подобье ада):
зонты, дороги, ветки сада...
Дожди бормочут над Москвой.
Шумят затравленно-уныло,
наводят сплин и будят страх:
сознание, совесть - всё поплыло,
нам солнце наглость заменила
реклам на чуждых языках.

Ночь - словно дева на панели.
Прожектору пылать не лень,
и Герцен в бронзовой шинели
свою отбрасывает тень,
и на стене Литинститута
она - чернее черноты...
Какие странные минуты!
Какие дикие черты!

А в продолжение кошмара -
как криминальное кино:
на «пяточке» в конце бульвара
С утра - кровавое пятно...
Словесный яд кипит и брызжет,
калеча души и тела.
А чуткий слух повсюду слышит:
средневековые дела!

АВИАКАТАСТРОФЫ В ИРКУТСКЕ

Солнце ему тьмою путь заступаше...
Слово о полку Игореве

1

То ли техника сходит с ума,
То ли смерть свою свадьбу справляет -
Полночь тьмою мне путь застует,
И гудит непроглядная тьма.

Тень Земли поглотила Луну,
И Господь отвратил свои взоры.
Неминуемо вздыбились горы,
И моря потянули ко дну.

...Запредельная тяга турбин.
Запредельная цепкость сознания.
Но вошел сокрушительный клин -
Как исполнилось злое гадание.

Смерть глядит в лобовое стекло,
Дышит адовой пещью пустыни!
Так вошло неизбежное зло
Из людской непомерной гордыни.

Не молитва: «Господь, сохрани!» -
Только мат на устах побелевших.
Видно, Враг сосчитал ваши дни,
И не будет во мгле уцелевших.

Рвётся жизни жемчужная нить.
...А ребенка не надо будить.

Утром выйдет жестокая сводка.
Покачнётся злосчастная твердь...

...Встанет церковь печально и кротко
Там, где точку поставила смерть.

2

Однажды проснулись
    пионовым розовым утром:
нежнейшее солнце июня
    цвело в небесах.
Все окна в округе
    сияли наивно и мудро,
сияли пионы
    слезами в открытых глазах.

Проснулись однажды -
    в загадочном «спальном» районе,
пионовым утром,
    на самых высоких холмах.
Бежали по склону маршрутки,
    как резвые кони,
и запах тайги уносили на гладких боках.

Проснулись однажды - легко,
в двадцать первом столетье:
пионовых женщин
    наряды прозрачно-легки.
Неужто в России окончился путь лихолетья!
И с легкой улыбкой ходили в толпе мужики.

Однажды проснулись - повсюду пионы, пионы...
    Пионовый город над нежно-зеленой рекой.
...О, счастье так хрупко!
    Молитесь с утра, дездемоны,
Чтоб рёв самолета
    не спел бы нам «Вечный покой!»

* * *

Разлетелись, как птицы, дороги,
Еле слышно рокочут вдали.
Вот опять я стою на пороге
Золотой прибайкальской земли.
Возле ног распростёрлась долина -
Вольным махом уходит к реке.
На ветру разгорелась рябина -
Сердце Данко в сентябрьской руке.
А моё - отгорело, остыло.
Пустота тяжело ноет в груди.
Потому что о прошлом забыла
И не знаю, что ждет впереди.
Я не знаю: зачем я и кто я,
Как мне жить в этой «новой» стране,
На пороге у прошлого стоя,
На колючей и горькой стерне.
Разлетелись, как птицы, дороги,
Не настичь мне теперь ни одной.
Только издали, полный тревоги,
Всё зовёт меня голос родной...

ДЕРЕВО ВЕТРА

Крону раскинуло
                        Дерево Ветра,
Сильные ветви шумят надо мной.
Красными розгами хлещется верба,
Хлещется озеро черной волной.

Это весна, но похоже на осень.
Холод ноябрьский, но это - весна!
Озеро с хрустом кромсает торосы,
Бьется о берег обмылок весла.

Пыль штормовая над буйным Байкалом.
Крылья ломая, там чайка кружит.
Посвист печальный да посверк металла -
Точно разбойники точат ножи!

И, словно кони во время пожара,
Сбились, столпились у пирса суда...
Шторм на Байкале! Весенняя кара!
Жди: скоро солнце нагрянет сюда.

* * *

А ветровое залито слезами...
Последний снег. Вернее, первый дождь.
Владеет первобытными лесами
тяжелая, пронзительная дрожь.
Хотят деревья голыми плечами
оцепененье зимнее стряхнуть,
прорваться к солнцу,
листья развернуть,
упиться впрок горячими лучами.

Лесам - своё. А что здесь надо мне,
стремглав бежавшей гомона людского?
Мне - воздуха! Мне - ветра!
Мне - лесного
сырого шума в сером полудне.
Не завсегда эти тихих мест,
я так люблю высокие деревья!
От сырости и ветра леденя,
не надышусь, не нагляжусь окрест.

- Ау, Россия! Родина лесная!
Ау, Сибирь, растилице лесов!
Я к вам бежала, вас и окликаю,
я жажду ваших певчих голосов.
Лес глух и слеп.
Ему не до меня.
Он так спешит скорей собраться с силой
той, что когда-то кроны выносила
под самый потолок земного дня...

Я так мала - ничтожней муравья,
стою в ногах у патриарха-кедра.
(Гудят тайги таинственные недра...
Разносит ветер запахи зверья.)
Кедр говорит: «Эй ты, там, на земле!
Что можешь ты? На что имеешь право?»
Что я могу? Не мудрствуя лукаво,
лишь рассказать кому-нибудь в тепле,
как злой денёк, высвобождая травы,
кипел дождем на ветровом стекле.

* * *

Прощаю всех, кто был со мною груб:
Обида в сердце - не рубец на коже.
Вот день прошёл.

Он выстрадан и прожит,
А новый день как будто новый друг.

Прощу того, кто мне солгал не раз.
Желанье лгать - особый род болезни.
Здесь недостойна месть. Куда полезней
Лжеца дарить насмешливостью глаз.

Прощаю тех, кто около меня
Весь век живёт, меня не замечая.
Я тоже, право, в них души не чаю,
За семь печатей душу хороня.

Прощаю всех - затем, что старый друг
Ко мне приедет с первой электричкой,
С весенним ливнем,
с птичьей переключкой -
Нетерпелив его знакомый стук!

Каков ни есть: веселый он с утра
Или угрюм - пусть встанет на пороге.
Спасибо, рельсы, улицы, дороги:
Его душа всегда была добра.

РЕБЁНОК БОЛЕН

Ребёнок мой болен - горящие веточки рук
В мои упадают бессильно...
Какое мученье!
Все стороны света стенами сомкнулись вокруг.
И жизнь моя вдруг - замерла. Потеряла значенье.

Над личиком бледным страданья стоит ореол.
Где силы найти,
        чтобы выдержать взгляд этот горький?
Под нежную кожу вошёл за уколом укол,
А Матери в сердце вошёл за укором укор:
О, всем бы пожертвовать,
        только не этим, не стольким!

Шепчу заклинанья и солнцу, и белой луне,
Хрустальной воде и траве
        на высоких нагорьях:
Оставьте страданье, оставьте страдание мне,
Верните ребёнку румяные, резвые зори!

Я вырву из тьмы это тельце, родное до слёз,
Сама унесу на руках до границы рассвета -
Туда, где струятся молочные речки берёз,
Где нежно восходит дыхание близкого лета.

Пусть белая роща пошепчет листвою над ним,
И свет от ромашек, играя,
        скользнёт под ресницы,
И встанет мальчишка,
        как колос, землёю храним,
Где ветер шумит,
        где летают над полем зарницы.

* * *

Мне в должном мире нечего терять.
Всё, что могла, давно я потеряла.
И сын уйдёт - на то ведь я и мать:
Родить, оплакать, вырастить...

Отдать -
Другой, беспечной...
Снег на покрывало.
На горы - снег...
И занавешен свет
Кольшущейся белой пеленою.
И лишь безумцы пролагают след
Через гольцы, где ветер бьёт и воет.

И нет плеча - от ветра заслонить,
И нет костра, чтоб отогреть мне душу...
И все же - не вели меня казнить,
Дай слово молвить...
Слово - не нарушу.
Что мне досталось, то я и люблю.
Судьбой и Богом данная мне доля -
Во мне, со мной...
И я тебя молю:
Не отнимай. Не выживу в неволе.

НОВОБРАНЕЦ

Грубый голос, да тонкая кость.
По-ребячьи кота развлекает...
Я молчу, только сердце зашлось:
Сын! Я руку твою отпускаю.

Я своё отстраняю плечо -
Слишком слабая в жизни опора.
До чего ж ты беспечен ещё:
Полон слух музыкального вздора,

Но уже над сплетеньем путей
Запевает музыка другая:
Стоны рельс и напор скоростей.
Пой, солдатская доля крутая!

Чудотворца молю за тебя.
Нет сильней материнской молитвы.
Только б Родина, малых любя,
Не бросала в безумные битвы,

Не подставила б наших детей
Под кинжалы и пули слепые.
Сберегла б от позорных сетей
Всех мальчишек печальной России!

А иначе - в бездарном пути
Мы растопчем своё *недалёко*.
И тогда нам вовек не уйти
От Спасителя «Ярое Око»!

ПИСЬМА

1

Греет руки цыганка-судьба
над певучими строчками писем...
Их уже налетело сюда
целый ворох - оборванных листьев.
Как они против ветра летят,
огибая холодные звёзды!
Там друзья меня видеть хотят -
сквозь безмерные русские версты,
сквозь тоску и разлад этих лет...
Милый лепет в эфире не тонет.
Эти строчки я вижу на свет,
как прожилки на детской ладони.
Слава Богу, не порвана связь
меж сердцами - родными, простыми.
...Головою повинной склоняюсь,
все пишу: из России в Россию.

2

Как любопытно прочитав письмо,
что написал - да так и не отправил,
а в глубине стола лежать оставил.
И вот оно на свет извлечено.
Оно хранит давнишний тот порыв -
твоей души невольное движенье
(как зеркало - лица изображенье,
но только неизменно),

и, закрыв
                                глаза,
ты снова поддаёшься власти
давно забытых, выболевших строк.
Так повторяют пройденный урок...
И ты не в силах разорвать на части
клочок бумаги - прошлую печаль.
Письма не жаль - себя,
                                должно быть, жаль:
ведь рядом с этим не стояла ложь...
Но в нём себя уже не узнаешь.

* * *

Этот омут ночной, эти рваные всплески метели,
И в оглохшей дали -

сумасшедших колес перестук...

Словно филин хохочет в полях,

что давно опустели.

Сумасшедшая скорость -

со свистом разогнутый лук.

Вдоль дороги - огни.

Там в тревоге приникла Россия

К непорочным снегам,

к задремавшей, безвинной земле.

Не по тёмным колодцам

таится нечистая сила -

Прямо в сердце впилась,

как стрела с половецких полей.

О, какая тоска в освещённом в полсвета вагоне!

То качанье, а то - преткновенье,

и грохот, и вздрог.

В мимолётном окне

ты усталую голову клонишь,

Засыпаешь с трудом,

как и я, на земле одинок.

Книгу верной судьбы

безотрадное время листает.

Я - покорная тень в перекрестье

вокзальных огней.

Но летит за тобой

серых дней журавлиная стая...

Слышишь пенье снегов?

Это голос печали моей.

* * *

Над ледовой ладонью залива
цепенеют во тьме якоря.
Полынью́й золотого налива
размывает ненастье заря.
И кружит над землёй новогодней
снежный свист, завиваясь в кольцо.
И визжит, точно дух преисподней,
в электрической мгле колесо.

Так и мчим сквозь заснеженный город
круг за кругом: торопится жизнь!
Каждый - гений, и чуточку робот,
столкновенья смертельны, и холод
пробирает до самой души.
Чем укрыть от мороза гвоздики?
Как дитя от беды уберечь?
Время корчит лукавые лики,
обнажает нежданную течь:
то нечистую сытость Содома
до идейной стези возведет,
то возню сумасшедшего дома
за искусство оно выдает...

Заслони своей правдой ребенка,
кровью сердца гвоздики полей...
Чудо жизни прозрачно и тонко,
как забытая песнь журавлей.
Отстрани свои звезды-туманы,
над обломками счастья не стой.

Жертва жизни твоей безымянной
обернется живой красотой.

Разгромив ледяную осаду,
в синь речную корабль отойдет.
Летним утром пройдешься по саду -
алый жар от гвоздик полыхнет...
И, быть может, осеннюю ночью
вспомнишь все - и наплачешься
всласть...

Ничего повторить не захочешь.
Никого не посмеешь проклясть.

* * *

Под вечер солнышко
чуть ярче подмигнуло -
И, вспыхнув перьями в пучине ветровой,
Оглухнув, лёгкая, от солнечного гула,
Голубка горлышко полощет синевой.

Весна слаба ещё... Она пока не в силах
Вскрыть непочатые, слежавшиеся льды,
Но речка малая вчера меня просила
Отведать свежей, чуть дымящейся воды.

Я ветку вербную сломлю над этой речкой,
И в тесной комнатке, у пыльного окна,
На гибком стебле праздничные свечи
Лучом нечаянным зажжёт моя весна...

В предсердье города так суетно и тесно,
И воля вольная - у стен монастыря!
Дыханьем таинства и музыкой воскресной
Пространство полнится, с душою говоря

На языке пасхально-колокольном...
Так звонко сплавлены и медь, и серебро
В горниле Творчества!
И веруешь невольно
В Христа Воскресшего,
И в правду, и в добро!

РОЩА В УНИВЕРСИТЕТСКОМ

Берёзовая роща у дороги
Оскорблена нетрезвыми людьми:
Поджала бы серебряные ноги,
И прочь - туда, где горные отроги
В заоблачные дали пролегли.
Мне чудится берёзовая стая
В размахе белых лебединых крыл:
Летят они и горестно стенают
О том, что нестерпима жизнь земная,
Где человек Природу... победил.

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

Повернувшись на запад - спиной
к заходящему солнцу славянства...

Юрий Кузнецов

Под шальной новогодней луною
Закусила зима удила.
Путь морозный лежит предо мною.
Неподвижна туманная мгла.

Путь предательский! Мёртвое поле!
Тридцать первое - ночь сатаны.
Снег визжит о вселенском расколе:
Под ногой точно стоны слышны.

Сатанинская ночь ножевая -
Это окрик далекого дня.
Кровь смывая, с трудом выживая,
Стонет Русь, восходя из огня.

Вот она имена называет:
Всё чужие гремят имена
Кандалами, затворами. Знаем
И в лицо тебя зрим, сатана.

Как ты тянешься к русскому горлу,
Как детей ты отравой поишь...
Погубил ты великих и гордых
И с ухмылкой над нами стоишь.

Но из темных глубин бессознания
Сквозь космический хохот и вой
К нам идет первородное Знание
Потайною, глагольной тропой.

Уж над вымерзшей, черной полынью
Не оратор - оратай встаёт.
На Восток рукавицу он кинет,
На лукавый ли Запад пойдет.

Встрепенутся на западе реки,
На востоке воспрянут леса,
И услышат опять человеки
Возрождённой земли голоса.

И откроются русские лица,
Как под солнечным лаком икон.
И славянского солнца жар-птица
На века озарит небосклон.

* * *

Я нашла свои первые опусы -
Не стихи, лишь попытка к стихам.
Ни умения. Ни знания. Ни опыта.
Непричастность к житейским грехам -

Только то, что дано от рождения
В ту метельную ночь Покрова.
И легки, как дыханье растения,
И беспомощны были слова...

Неужели навеки потеряно
Это счастье - желать и владеть
Тучей, озером, ветром и деревом -
Чудным даром проснуться и петь!

ИЗ ЮЖНОЙ ТЕТРАДИ

...Четвёртый день безвестной чужестранкой
Здесь обитаю... И морская соль
Мне сводит скулы, раздражает ранку,
И веселит, и причиняет боль...

Уснули чайки... Пляж необитаем.
Читая свиток млечного пути,
Я эту ночь у моря скоротаю.
Мне никуда отсюда не уйти.

А ночь рокошет, как повествованье
Об одиссеях древних кораблей -
Тех кораблей, чьи женственны названья,
Чей звёздный путь достоин королей.

Глубоко море. В нем бесследно тонут
Житейских рифов острые углы.
Песок в ночи прохладен и нетронут,
Он теплит свет среди кромешной мглы.

А где-то там - не выбросишь из песни -
Лежит моя тревожная страна:
Там реки взбаламучены до дна,
Там взрывы сотрясают поднебесье...

Такая даль!..
А небо надо мною
Солёной звездью доверху полно!
И корабли плывут в открытом море,
И тайну тайн хранит морское дно.

Я здесь узнала, что душа извечна:
Она пришла из этих тёмных вод -
Побывать со мной.
И в миг остроконечный,
Плеснув и вспыхнув,
Под воду уйдет...

А сон медуз так призрачен и тонок.
Их купола мне чудятся везде.
И на рассвете смуглый дельфиненок
Станцует мне свой танец на воде.

ДАР

Памяти В. Набокова

Я несу Тебе снежную ветвь
с яркой искоркой зимнего солнца,
мёрзлой сладстью оранжевых ягод
и теплом, затаенным внутри.
Ты притронешься к ней - и она
вмиг уронит свой иней, свой холод,
и очнется, жива-невредима,
и распустятся листья на ней.
И достигнет «других берегов»
удивительный звон колокольный,
сладкий дух настоялых стогов
иль мотив нашей песни застольной.
Я, твоя заповедная Русь,
издалека тебе улыбнусь.

* * *

Под зелёные своды
Беспокойного лета
Принесли - и навеки
Положили поэта.
Он, плывущий над бездной
В узкой лодье своей,
Будет слушать победный
Шум зеленых ветвей.

Этот ливень случайный
И раскат грозовой
Как обряд поминальный
Над его головой.
После ночи дождливой
Солнце ярче горит,
И росы переливы
Как живой малахит...

Бесконечная нива,
Золотое жнивье!
Жизнь смела и ревнива:
Отбирает своё.
Оркестровые стоны
Окликают вдали -
Это люди с поклоном
Жертву ей принесли.

По ночам на погосте
Души дышат сполна,
И приходит к ним в гости
Ангел ночи - Луна.
С птичьей трелью рассвета
Души прыгнут в зенит.
Только слово Поэта
Над землею звенит...

* * *

В. Р.

Ветер пел, и звучал над Байкалом
Шумный голос, ласкающий слух.
Солнце нежную власть излучало,
Протекая сквозь облачный пух.

Разгулялась в предчувствии шторма,
Серебром наливаясь, волна.
И береза на выступе горном
Вся на милость ветрам отдана.

Белой чайкой над зыбью Байкала,
Накренившись, летит катерок.
Всколыхнулась вода у причала,
Чуть померк серебристый Восток...

Всё - предзимье и всё - предсказанье,
Но настолько светла глубина,
Что душа, как при первом свиданье,
На краю непробудного сна

Бредит юностью, тайной, надеждой
Невозможной, но яркой мечтой...
Ветер с моря - палач побережья -
Жёстко треплет венец золотой.

Всё осыплется, выгорит вскоре.
Выйдет в море рыбачка-луна.
Будет холодно в диком просторе,
Будет звёздами вечность полна.

Скоро ночь и мороз переспорят
Гладь небесную, мир полоня...

Но останутся в счастье и в горе,
Чтобы вечно тревожить меня -
Берег жизни, глубокое море.
Ясный свет Валентинова дня.

*Сентябрь 2002,
на корабле «Валерия», оз. Байкал*

* * *

Без тебя - меня нет.
Я легко проникаю сквозь стены,
Исчезаю в лугах, где цветут
полевые цветы,
Где плывет аромат
золотою пылью бесценной,
Где любой из цветов -
воплощение земной красоты.

Без тебя - меня нет.
Я в воде, словно соль, растворяюсь,
По реке к океану прозрачной струёю теку.
Или взмахами крыльев
огромность небес измеряю,
За моря и леса унося в своём сердце тоску.

Без тебя - меня нет.
Я брожу по пустыне квартиры:
Ни ковёр, ни диван,
ни еда не нужны, ни питьё.
Только сны и цветы,
только музыка в замкнутом мире.
Только ветер в ночи навевает мне имя твоё.

СЕВЕР, СЕВЕР...

*Памяти
Светланы Кузнецовой*

На Витиме большая вода
Затопила прибрежные кущи.
Словно осы, жужжат провода.
Облака так легки и зовущи.

По Витиму - на белой «Москве» -
Сквозь кипящее, злое течение...
Что Москва? У меня в голове
Трепетанье, журчанье, свеченье.

Север, Север! Мирская молва
Прокляла... Солгала? Обманулась?
У меня в голове - синева!
Горным воздухом я захлебнулась.

Стало сердце моё наконец
Золотою подковой певучей.
Я с Витимом иду под венец -
Сибирячка! Звездой падучей...

ПАМЯТИ БЕЗВЕСТНОГО ПОЭТА

На Востоке, где близка граница,
Где Амура плещется прибой,
Жил поэт, неведомый в столицах,
Со своею сложною судьбой.
Не был завсегдатаем салонов,
Южных пляжей отроду не знал.
Серой шапкой на холодных склонах
Птицам пролетающим махал.
И, ловя дыхание лесное,
Вдруг услышал музыку стихов:
«Утопает вечность надо мною
В медленных разводьях облаков...»

Облака летели в бесконечность,
Быстро таял снег береговой.
Синей лывой проплывала Вечность
Вдаль над непокрытой головой.
Как сестра, за плечи обнимала
И звала - он слышал этот зов.
Месяцем туманным возникала
Над полярной млечностью снегов...

И однажды, ночью нелюдимой,
Волчьей вьюгой выстелило путь -
Совершил он шаг непоправимый:
Сам сумел черту перешагнуть.
Всё забрал с собой свое земное,
Кроме хрупкой веточки стихов:
«Утопает вечность надо мною
В медленных разводьях облаков...»
Неподсудны жизнь и смерть поэта.

И порою, глядя в синеву,
В жарком море солнечного света
Вижу я не Бога, а Поэта...
Тихий голос слышу наяву.

НА МУЗЫКУ ЭДВАРДА ГРИГА

Возвратись в этот край
осиянных снегов,
очарованных гор,
облаков...
Здесь любая сосна
тебе славу звенит
и, качая, уносит в зенит.
Здесь лесные ручьи
твои песни поют,
а в ручьях голубые форели
снуют,
словно стройные звуки
напевов твоих,
словно светлые блики
печалей твоих.
Здесь живет одиноко -
ты помнишь - она,
и нежна, и печальна,
как эта страна -
голубая страна
осиянных снегов,
светозарных озер,
облаков.
Над порогом
высокой звездой зажгись!
Птицей северных рощ
возвратись.

К ПРИЕЗДУ ДОЧЕРЕЙ ШАЛЯПИНА В РОССИЮ

(по фильму Кончаловского)

...Лица, истончённые диетой...
Старческие, скорбные шаги
По земле, всепамятно воспетой
Отчим басом...
Долгие круги
Жизни
Изменили их фамилии
И славянский, мягкий очерк лиц.
От морозов, нежные, как лилии,
Дочери Шаляпина спаслись.
От всего, что в годы искажений
Русская земля пережила:
Времена свержений и сражений,
Души разорившие дотла.
С чем теперь явились чужестранки,
Море-океан перелетя?
В дом отца тоскующие янки
Входят, на пороге погода.
Ужинают... Тайная вечеря
По отцу, по духу этих мест.
А заря играет в интерьере,
Сыплет мягким золотом с небес.
И летят, и стелются дороги
От Москвы в любую даль земли.
Сколько гордых, щедрых и убогих
Здесь под небом пасмурным прошли...
Всё забыто - с детства и навеки.
Белый лайнер ляжет на крыло.

Там иные города и реки,
Только неба чёрное стекло
Звёздными скоплениями невольно
Смотрит на людскую суету...
Проживите эту жизнь безбольно!
Не понять вам нашу маету.

К ПОРТРЕТУ А. А. АХМАТОВОЙ

Вам не холодно, Анна Андреевна,
Под стеклом, на пустынной стене?..
Свет январский, скупой и смиренный,
Замирает в студёном окне.

Свет январский, морозная музыка!
Непреклонного времени бег.
След судьбы, одинокий и узкий,
Убегает в неизвестный век.

Вы не думали, вещая странница
Царскосельских, лицейских садов,
Что струна Вашей лиры протянется
До ангарских седых берегов...

Я лукавить душой не приучена:
Ради моды икон не держу.
Донна Анна - из племени мучениц -
Скоро сыну про Вас расскажу.

* * *

Ю. З.

Не исчезай под серым небом,
В глухих пролётах февраля!
Еще под хлюпающим снегом
Живая теплится земля.

До слёз охрипшая, слепая,
На месте топчется зима,
А через час наступит тьма -
Тревожная, сторожевая.

Лицо небес, склонившись низко,
Глядит - безумие в глазах...
Наш каждый шаг на нить нанизан,
А хочется бежать назад,

В просторы памяти озябшей,
Где жив ещё высокий свет,
Заоблачный, из детских лет...
Из веры в чудо - неиссякшей.

Не растворяйся в пустоте:
Мы так друг друга понимаем!
Недобрый час преодолеваем
В непеременимой мечте.

ГОГОЛЬ

(работы скульптора Н. Андреева)

Вот он сидит, как промокшая птица.
Тело склоненное скрыто плащом.
В ливне и зелени тонет столица,
варево времени

круто клубится,
прошлое вмиг порастает плющом.

Быстро бегущие - и не взирают.
Праздно идущие - те постоят.
Ёжится Гоголь и тихо вздыхает.
Уж не о нас ли в сей миг размышляет?
Очи сквозь каменный холод горят.

Что в нас он видит, печальная птица
с ликом орлиным и телом щегла?
Многое видит, и может присниться,
странным виденьем в окне появиться,
не затуманив дыханьем стекла.

Вместе с кипучей толпою столичной
площадь минует, вольётся в метро...
Гомон языческий, многоязычный
носом учует, как старую притчу:
«Знаем мы вас!» - усмехнется хитро.

Я б догнала его!

Я бы спросила,
той же земли православная персть:
- Правда ли, Гоголь, что стали красивей
люди с тех пор, как живали вы здесь?

Я бы вздохнула:

- Ах, ныне в искусстве
время тревог и пристрастной молвы...
Гоголь, я зонтик забыла в Иркутске -
мокну во дворике
старой Москвы.

СТИХОТВОРЕНИЕ ДРУЗЬЯМ

Изнывшая от всяческих щедрот,
Тем сентябрём я прилетела с юга...
Высокий день у городских ворот
Переплетала солнечная вьюга.
Прощальным зноем,
Острой синевой,
Сибирскую неистовостью красок
Пылал тот день!
Деревьев строй вихрастый
Искрился и звенел над головой.

Мы шли пешком, а листья из-под ног,
Живые, разлетались без нажима...
Ну кто из нас хоть объяснить бы мог,
Чему смеялись мы неудержимо?
Тому, что живы, молоды, что вновь
В родных пенатах - искренняя осень,
Что день листву взвивает и уносит,
Слепит глаза и проникает в кровь!

...Всё те же мы. Но соль прошедших дней
Уже горчит в твоих стихотвореньях.
Ступенька вверх - отсюда нам видней.
Зато больней даются откровенья.
Мой давний друг, собрат по кораблю!
Не забывай, что я тебя люблю.

МАТУШКА-РУСЬ

Памяти мамы моей

«От многих знаний - многия печали...»
Который век шумит над головой
крыло судьбы,
и долгими ночами
не дремлет Время мудрою совой.
И смотрит солнце свежими лучами,
как зарастают кладбища травой.

...По всей Руси, по крохотным погостам,
быльём мои могилы поросли,
и облака торжественно и просто,
как дух земли, восходят от земли.
Росой студеной сыплют в изголовье,
приводят в гости выводки груздей.
Там жеребенок празднует раздолье.
Там стелют травы сонную постель...

А я - жива. И так же простодушна,
как в давний век русалок и огниц.
Любви и веры сею хлеб насущный,
жалею тех, кто одинок и нищ.
Звонка в веселье, в горе - я немею.
Не вижу звёзд сквозь обморок зениц.
Прощая всех, прощенной быть не смею,
мужской рукою брошенная ниц.
Ручонкой детской поднята из праха -
я снова есть! Из века в новый век.
Живу теперь без смерти и без страха,
перед судьбой не опускаю век.

А в тишине, при медленной луне,
моё другое «я» с холста сходило:
отчаивалось, пело, говорило,
кусало ногти в творческом огне...
Не я, но то, что мной когда-то было.
Несовершенство тайное томило
ту девочку, что и не снится мне...

ПИСЬМА НАТАЛИ

Колдует за окнами мгла
Иль ветками ветер колышет...
Наташа не спит, и не слышит:
Свечу от лампы зажгла,
Щепоткою пальцы свела -
Все Саше, все Сашеньке пишет.

О чем? - О сердечной тоске,
О том, что с детишками трудно.
Вот прядь развилась на щеке, -
(Без Саши - кому это нужно...)

И вспльчиво ревность звенит
В девически трепетных строчках...
Пылает бессонная ночка,
А сердце о муже болит.

Ах, дети...
Им спать до утра -
Тепло под родительской крышей!
Наташа сквозь морок стекла
Глядит в полутьму - и не дышит.
Уж скоро рассвет, и пора...

Ей хочется тоже - в стихах,
И стансы милы и сердечны.
А он посмеется, конечно!
И губы надула... Но страх
За мужнину странную жизнь,
За все его тяжбы и ссоры,
И бедности злые укоры
(Ах, глупая мысль, отвяжись!)

Ведь главное, милый, люблю!
И новая жизнь на подходе...
Ах, Сашенька, хоть на подводе
Приехал бы ты к ноябрю!

Она эти письма сожжёт
(Вспоманет глухие поверья).
А ныне - который уж год! -
Огрызками Сашиных перьев
Все пишет, и пишет. И - ждёт.

* * *

После душного дня я молилась,
чтобы ветер...
И вот он пришёл -
и случайная чашка разбилась,
и разбуженно штора забила,
заметался сиреневый шёлк.

С неба звёздного, из темноты,
ветер свежесть принёс на ладони...
И почудилось вдруг: это ты
у меня, на высоком балконе.

* * *

«Спасибо за то, что ты есть...»
Печальной судьбы посредине
такая неожиданная весть:
спасибо за то, что я есть.
А кто я - морская звезда?
Багульник, расцветший на льдине?
А что я - живая вода
для жаждущей вечно пустыни?
И нас не любовь, а беда
столкнула на самой стремнине.

И сказано слово твоё,
как будто пред вечной разлукой...
Я вздрогну от странного звука:
мечта ли, надежда ль поет,
чтоб нас заманить в глубину,
своим волхвованьем окутать,
с реальностью сны перепутать,
а после - обрушить волну...

Да полно вам выдумки плесть.
Вот сердце - для песни и пули.
Сегодня все бури уснули...
Спасибо за то, что ты есть.

* * *

На улице твоей - морозный звездопад
и звёзд под каблуком божественное пенье.
Иду, как по огню. Боюсь взглянуть назад:
толпятся за спиной ночные сновиденья.

Боюсь в чужие сны проникнуть невзначай,
рассыпать серебро досужих разговоров,
боюсь морозных звезд...
Скорей меня встречай!
Храни тепло огня среди зимних коридоров.

...Здесь ставни на болтах, а двери на замке.
И смотрит каждый дом,
  как вражеская крепость.
Лишь тень моя скользит, свечу держа в руке...
Ах, мой к тебе приход -
  прекрасная нелепость!

Стекают капли звёзд, и тает млечный путь,
шуршащей тишиной на землю осыпаясь,
сквозь яркий свет в окне,
сквозь поздней ночи жуть,
а твой щенок спешит
меня в ладонь лизнуть!
Сколь светел каждый миг.
Я медлю, просыпаясь.

**ПАМЯТИ
АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА**

Свет и печаль - на твоей остановке.
Легкие кроны летят в вышине.
Чудная странница - божья коровка
Капелькой крови упала ко мне
На руку... Друг! Сумасшедшее время
Здесь позабыло, откуда пришло...
Друг мой таинственный!
Память - не бремя,
А оброненное в воду весло -
Кружит, несётся в прозрачном теченье
Незамутнённой Реки бытия.
Мелкое всё потеряло значенье.
Суть - прояснилась. Ей нет забытья.
Лесом покрыты холмистые дали,
Скошены травы, и август примят.
Вольно дышать на последнем причале!..
Веток пихтовых сух аромат.

* * *

Все переливы солнечного лета -
В одном созвездье с именем твоим.
Играют листья жемчугами света
Поющих капель...
Нежностью томим,
Кружится тополь.
Медленной водою
Идут круги от тихого весла...
Все молодое, светлое, святое
От рек и рощ душа твоя взяла.

О, я боюсь руки твоей коснуться!
Как сон стрекоз, прозрачна тишина.
Вдруг холодом дохнет - и мне проснуться
Так больно будет. И лишиться сна.

Иди! Я подарю тебе дорогу.
Пресветлый луч плесну к твоим ногам.
Вздыхает тополь, ливнями растроган,
Поет в листве невидимый орган,

А ты смеёшься, голову закинув,
Как юный вождь на радостном коне.
Своей звездой и юностью хранимый,
Ты машешь мне, и пролетаешь мимо,
И ни на миг не помнишь обо мне.

ПРОЩАНИЕ С ДРУЗЬЯМИ

Заглохшего сада сиреневый вздох
овеял округу.
Тяжелых и нежных кистей холодок -
печальному другу.
Все розы, все ирисы, все соловьи -
сокровища мая!
О прошлом и вечном со мной говори,
я всё понимаю.
О прошлом и вечном: о звёздной пылице
и странниках мира...
Печать вдохновенья лежит на лице,
обросшем и милком.
Мы Время поймали в словесную сеть
и блеск от кометы.
Но вышла разлука - и надо лететь
на стороны света.
Что ждет нас сегодня в родимой стране,
и будем ли живы?
Пускай нас хранит на высокой волне
славянская Жива.
Прощай - но незримо со мною лети
за кромку рассвета.
Мы - странники мира. Мы вечно в пути.
Мы просто – поэты.

АКРОСТИХ

Алмазное сердце зимы,
Льдяное и лунное сердце
Единственным взглядом разбито,
Как тонкий, морозный бокал.
Серебряный образ Земли,
Астральным мерцанием обвитый,
Начертан в пространстве безмерном...
Дарю тебе - эфемерный,
Расцветенный солнцем кристалл!

* * *

Все часы в этом доме стоят,
И живет молчаливая птица.
В окнах зимнее солнце искрится,
И деревья под снегом звенят.

В этом доме живое тепло
Вечерами в печи обитает,
Точно бабочки в поле летают,
А жарки забежали в село.

А хозяин так светел лицом,
Стар и сед, но с повадкой оленьей,
К жаркой печке бросает поленья,
Обручальным мерцает кольцом.

Я молчанья его не пойму,
Но отныне легко мне представить,
Как он книги спокойно листает,
Топит печь в одиноком дому,

Где его раздаются шаги,
Где утрами чечёкает чечет,
Где, трудом и утратой отмечен,
Старый год завершает круги.

СТИХИ В СЕНТЯБРЕ

Какое утро! Лёд в стакане...
Река дымится без огня.
Сегодня ль, завтра -
время ранит,
нерасторопную, меня?
И далеко ль теперь до снега?..
Но я сегодня о другом:
о том, как щедро льётся небо
на всё, текущее кругом,
на всё изменчиво-земное,
живой и вечный, льётся свет.
А листья цвета зла и зноя
ложатся в мой недавний след.
От повседневности украдкой
я остаюсь наедине
с осенним легким беспорядком,
с хрустящим полуднем;
и мне
легко - не видеть и не слышать
глухого грохота колёс
за робким шелестом над крышей -
тишайшей жалобой берёз.

* * *

Живописать малиновый, сквозь дым,
Скупой закат холодного накала
И ветви сада, ставшего седым:
Его ночная стужа приласкала;

Живописать виденье Ангары -
Туман молчанья и забвенья воды...
Быть может, вновь рождённые миры
От взора скрыли пасмурные своды?

Златая пыль звенит на куполах,
Клубится мгла во глубине квартала.
Мгновенье - всё угасло, всё пропало.
День пролетел, как молодость прошла,

А я ещё и краски не смешала,
И пуст мой холст -
лишь изморозь в углах.

* * *

Золотое сечение года -
ты, сентябрь.
И в черте городской
бродит ветер, пирует природа,
ярко блещет ночей гороскоп.

Если там, где Пространство и Время
не имеют привычных границ,
отыщу я уздечку и стремя
да пучок быстролётных зарниц,

то и мне не проблема домчаться
до моих светозарных Весов,
на которых до смерти качаться
(после смерти - в созвездии Псов).

Но не в этом для сердца отрада
в золотые, залётные дни.
Я сгорю на костре листопада -
добрым словом меня помяни

в дивном храме, где Спас синеокий
с перламутровой ясностью лба
был единственным, близким, далёким
светом детства.
И знает судьба,

сколько яда плескала мне в душу,
как, унизив, покорства ждала.
Даже в самую лютую стужу
вера тайная в сердце жила.

Так - доверчиво и удивлённо -
слушай, сердце,
мгновенья лови:
где в закате купаются клёны -
воспевают сентябрьские звоны
праздник Веры, Надежды, Любви.

* * *

Как эта улица вдруг посветлела
после недужной, недружной весны!
Выплыла яблоня облаком белым
из городской глубины.
Выросла улица, стройно-поката,
с чёрно-блестящим пробором шоссе,
и за пятнадцать минут до заката
солнце блистает в холодной росе.

Пряная капля листовяного клея
с тоненькой ветки стекает, дрожа.
Вот я живу, ни о чем не жалея,
лишь обольщений боится душа.
Но, отрезвленная веком безбожным,
ясно провидит всю грозную суть
жизни, летящей своим бездорожьем,
резким пунктиром отмеченный путь.

Вот я шагаю асфальтовой твердью -
Чёрною Речкой, бегущей в закат,
не помышляя о славе иль смерти,
тем лишь богата, чем каждый богат.
Вот я познала - к добру или к худу -
дружбу врагов и враждебность друзей...
Но и теперь еще верю, как в чудо,
в необходимость высоких страстей!

Вижу, как, пламенем ясным объято,
небо в надземной горит полосе,
и за пятнадцать минут до заката
солнце блистает в холодной росе.

* * *

Холодная весна - и неба стынъ зеркальна,
И ветер за вихры теребит тополя.
То снег летит с небес,
То острое сверканье,
То жизнь летит, как дым,
Надежды торопя.

Ничем не заглушить!
Весна - и нетерпенье:
Что светится вдали?
Что кроется во мгле?
Весна - и первых птиц

растрёпанные перья...
До-мысленный хаос творится на земле.

Когда еще придёт пора успокоенья?
Не раньше, чем пройдёт пора летучих гроз.
Пока же всё со мной:
Весна, и нетерпенье,
И в чёрных тополях
Корзины птичьих гнёзд.

ПОДРАЖАНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМУ ПОЭТУ

Не стану приручать ни музыку, ни музу:
пускай себе живут на тех высотах, где
их встретил древний грек -
свободный сын обузы,
пастух своих овец, нашедших путь к воде.

Волю к лицу ярмо,
а птице - только воля!
Ей росчерком крыла зажечь бы океан!
На дальний зов струны
мой бедный мир раздвоен:
плывёт в очах вола серебряный туман,
а птица ждет волны...
Я, прачка, я, кухарка,
дерзаю песнь творить и царствую в строке!

А надо мной в углу
хохочет злая Парка:
бесплодный пепел лет
сжимаю я в руке.

* * *

...И в Евангелии от Иоанна
сказано, что слово - это Бог.

Н. Гумилев

Разменяв золотые года,
загляну в свою жизнь, как в колодец.
Утонула в колодце звезда,
из глуби серебрится вода,
а по краю - осенний морозец.

Что за птицы кричат надо мной?
Не могу разглядеть оперенья.
Что-то лик затуманился твой,
Богоматерь моя - Умиление.

Что-то сердце, не знавшее зла,
словно зимняя ночь, холодеет...
Лицедеи мои, незлодеи,
так откуда слепая хула?

Вы не знали, в своей простоте,
как бывает убийственно слово...
(А в евангелие от блудослова
слово - так, ветерок в пустоте.)

Разменяв золотые года,
жизнь свою начинаю сначала,
и летит из колодца звезда
в серебристую бездну - туда,
где она при рожденье сияла.

РОМАНС

Осенний зной как поздний жар камина:
Деревья мреют в солнечном огне.
Огнём и прахом - жизни половина,
А небо - точно Око Триедино -
Глубокой синью светится в окне.

Осенний зной - последнее сказанье
О всей тщете, о поисках любви.
Забудь себя и Бога не гневи -
Оплачь обиды лёгкими слезами.

Осенний зной... Мой бронзовый браслет,
Тончайшие и мудрые скрижали.
Отраден мне Преображенья свет,
И складки Богородицыной шали
Укроют
    уходящий в осень след.

* * *

Немного солнца в холодной воде...

Поль Элюар

Сколько солнца в холодной воде,
Сколько света в нетающем снеге!
Слава Богу, никто и нигде
Не узнает о нашем побеге.

Здесь над нами кружит тишина,
Распускается в крынке багульник,
Ходят ходики, как на прогулке,
По дорожке из чистого льна...

Богородица тонким перстом
Указала нам эту дорожку:
Вышивала славянским крестом,
Осыпала жемчужною крошкой.

Улыбалась, как добрая мать,
Чтобы мы разглядели друг друга...
Злое времечко кинулось вспять,
И утихла старинная вьюга.

Над Байкалом клубится мороз,
А тепло неизбывно и свято,
И рябины дразнящая гроздь,
Как насмешка над «круглою» датой!

Говорю у тебя на груди:
«Муж любезный, ты Бога мне застишь!..»
Ночь и снег у меня впереди.
Что же сердце распахнуто настежь?

НОЧЬ КРЕЩЕНСКАЯ

От всего, что было, не было ль,
В этот вечер отойду.
Ночь стоит морозно-белая,
Тополь мечется в саду.

Что ж ты мечешься, качаешься?
Вроде ветер невелик.
В чём пред целым светом каешься –
Или к жизни не привык?

В этой жизни все запутано,
Хлесткой плетью сплетено.
Мглой туманною окутано,
Горькой горечи полно.

То, что в жизни предназначено,
Трудно, трудно обойти,
Если с Господом утрачено
Ощущение пути.

В Крестном Знаменье засветится
Ясный и морозный путь:
Молодая нежность месяца,
Жизни истина и суть.

МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ

В безветрии душном томящийся сад
Беззвучно грохочет листвой,
А небо предгрозя - клубящийся ад -
Так низко висит над землей.

Как будто бы пепел горячий летит
С небес на лицо и на грудь.
И в страшном предчувствии сердце болит:
«Приблизился крестный мой путь».

Отужинав, крепко заснули друзья...
Будил - добудиться не смог.
Иуда исчез... И, сомненья дразня,
Змея заползла на порог.

Я ныне один в помертвевшем саду,
В бесплодной и страстной мольбе.
Не пот - это кровь выступает на лбу...
«Отец мой! Взываю к Тебе.

Сквозь молнию, Отче, на сына взгляни.
Земному земное прости.
От чёрного слова меня охрани
И Чашу вели пронести...»

Тяжёлые,
                                редкие капли стучат.
Небесная воля слепа.
Шаги... Голоса...
                                И светильников чад -
Там требует жертвы толпа.

«Иуда, и ты... Но тебя я прощу.
Я меч от врагов отведу.
Вовек не роптавший -
и днесь не ропщу.
Молчите! Я с вами иду.

Я с вами иду - я один ухожу
Высокой стезёю своей.
И вечно сверкающий путь проложу
Для грешных и смертных людей...»

РОЖДЕСТВО

К вечеру снега залиловели,
Звоном раскатились холода...
Ровно в полночь над верхушкой ели,
Как младенец в тёмной колыбели,
Народилась чистая звезда.
Народилось чудо. Засмеялось,
Сорвалось - и каплей - посолонь!¹
- Ах, куда ты? Это что за шалость?!
Сердце под рукой не удержалось
И упало - в Божию ладонь..

¹ Посолонь — движение по солнцу, с востока на запад.

НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ

Привычный бой часов в покоях зимней ночи,
а месяц над крыльцом прозрачен и лучист.
Пустая злоба дня не жжёт и не пророчит:
отпрянуло во тьму, за тёплый круг свечи,
и, затаившись, ждёт, как зверь холодноглазый,
чтоб завтра подстеречь и солнце погасить...
Но в этот час звезда горит, как светлый разум,
и только с ним душа желает говорить.

Я потушу свечу и выйду за калитку.
Пред чистотой зимы томит меня вина.
Нечастые огни как золотые слитки,
А цепь моих следов от глубины черна.
И, обступившие предгорную деревню,
деревьев чёрные чеканны образа.
И озеро в снегу... Высокое смиренье
пред вечностью самой,
бездонной, как слеза.

* * *

Тревожен мир души твоей,
и мы с тобой давно устали
от вспышек счастья и печали,
от напряжённо-горьких дней.
Они останутся в судьбе,
но ничего нам не прибавят,
ошибок наших не исправят,
сердца не сделают грубей.
А потому - не лучше ль нам
отдаться тёплому теченью:
улыбкам,

музыке,

свеченью

окна, где листья и туман?..
Такие ночи не забыть,
не подчинить искусству слова:
в них всё так древне,
всё так ново,
что даже страшно говорить.
Они проходят - краткий миг,
почти трагически прекрасный...
Что перед ним - дневные страсти
и наш несдержанный язык?!

ОСТРОВ ВЕРЫ

1

Этот остров лежит посредине,
Посредине небес и воды.
Балансирует солнце на льдине,
Голубые щебечут сады,

Табунятся чернильные тучи
С обжигающей зренью каймой.
Хлынет ливень стеклянный - и тут же
В небе радугой встанет Двойной!

Перепутала тучу с волною
Чайка - плачет, хохочет, кружа.
Это мечет круги надо мною
Уязвлённая жизнью душа.

Друг! В печали своей утешенье -
Я не ангел - не жди от меня.
И в глазах моих отраженье
Не блаженства, но самосожженье
Беспокойно летящего дня.

Этот остров мне брошен судьбою,
Словно в море - спасательный круг.
Дай мне руку, и станем с тобою
Парой чаек, холодным прибором,
Тучей, сыплющей льдинки на луг!

День сгорает кудрявой берестой,
Зажигая степные цветы.
До свиданья, неназванный остров
С острой зеленью возле воды.

Ни друзьям, ни врагу не открою
Чудный берег непуганых птиц:
Четки чибисов чистой зарею,
Гнезда, полные пестрых яиц.

Пепел сумерек ветер рассеет
Над крутящей воронки водой.
Засыпая, безмолвствует Север.
Ни волной не всплеснёт, ни звездой.

От забот, без отрады влекомых,
От вражды, что не ставлю ни в грош,
От предательства милых знакомых,
Остров веры, меня ты спасёшь.

Ты от чёрного выстрела злобы
Моё сердце прикроешь крылом.
Дашь мне силы и радости, чтобы
Жить, не помня о горе былом.

* * *

Ночью ветер шумел во дворе,
Незакрытыми ставнями хлопал.
Шевелился и вздрагивал тополь -
Незаметно кончался апрель.

И покуда подтаивал лёд,
Стали ветки длиннее и гибче,
А в горячем, сыпучем Египте
Журавли торопились в отлёт.

Было холодно в доме моем,
Он болел деревянной тоскою.
Только месяц был странно спокоен,
Погружённый в ночной водоём.

Но от этого месяца мгла
Лишь чернее была за окошком.
И холодная, злая дорожка
От него на полу пролегла.

Никогда по дорожке такой
Не придут ни друзья, ни любимый...
Жизнь, казалось, проносится мимо,
Как идут поезда за рекой.

Но едва пробивался рассвет
Сквозь тупую бессонницу ночи,
Я сама убеждалась воочию:
На земле одиночества нет.

Вот и птица с куста сорвалась,
И округлая капля - блеснула...
Наконец! Я спокойно уснула,
Ощувив теплокровную связь

С этой птицею, с этим кустом,
Всем, что дышит, цветёт и искрится...
Я спала - и знакомые лица
На меня наплывали сквозь сон.

ДЕНЬ ЛИВНЯ

Зеленое пламя земли!
День ливня, озона и света.
Мне дарит короткое лето
Секунды в волшебной пыли.

Светла молодая полынь,
Крапива как злая принцесса...
Меня подхвати - и отхлынь,
Волна, уходящая в детство.

Я вынырну там - и опять
Мне явится дом у дороги,
Где весело с братом играть
В индейцев, свободных, как боги.

Где за полночь можно читать
Запретные «взрослые» книги
И всей-то душой трепетать,
В дворцовые вникнув интриги.

...Там ливни такие же шли,
И травки промокшие никли,
И дней золоченые нити
Сквозь сердце прозрачно текли!

Они все текут и теперь,
Да золота в них не осталось.
По капле скопилась усталость,
Как яд, от незримых потерь.

Ах, взрослую книгу прочтя,
Я тоже бы сникла, наверно,
Когда б не наивная вера
В целебную силу дождя!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Спи... Под мохнатыми звёздами лета
Вольной рекою течет бытиё.
Пусть пролетающий ангел рассвета
Легким крылом осенит забытьё.

В городе стылом незримыми ранами
Путь твой отмечен... А сон золотист:
Дышат поляны грибными туманами,
Первый, безвременный падает лист.

Лес охраняет дремучие тайны
В каждой ложбине, под каждым кустом.
В месячном трепете - необычайны
Тени, тропинки, бревенчатый дом.

В доме молчанье такое глубокое,
Даже кукушка умолкла в часах.
Спи, моё сердце, моё одинокое...
Слышится Ангела пенье далекое,
Сны исчезают в рассветных лучах.

ОСЕННИЕ ПОЛОТНА

Рисую осень.
Жёлтый карандаш
очиниваю тоненько и длинно.
Вот жёлтый лист.
Вот жёлтая долина,
вот жёлтый день - осенний ералаш.

Вот человек. Его не знала я.
Не берегла, не называла милым.
Не задержу: пускай проходит мимо,
в осенний парк, где смех и толчея.

Уходит пусть. Ему я не судья.
Его лица затем лишь я коснулась,
чтоб жажда жить в груди его проснулась,
преодолев инертность бытия.

Пускай он входит в полутёмный зал.
Он спит душой. Глаза его спокойны.
Но - музыкой я слух его наполню!..
Он востепенулся! Он себя узнал.

Я окроплю неприхотливый лоб
Священной влагой Мысли и Страдания.
Скажу: смотри! И над громадой зданий
Зажгу заката алое крыло.

Лишь прикоснись - и пальцы обожжешь.
Не бойся же! Ожог не так опасен.
Быть может, мир ожогами прекрасен!
Где нет ожога - там передвижу ложь
да вечный страх за собственную кожу...

- Бойтесь? О, тогда не потревожу.
Мне Вас не жаль, ушедшего во тьму.
Из Ваших рук я хлеба не приму.

Ну, вот и все. Сточился карандаш.
Не мне судить, удачна ли картина.
Теперь возьму - и клином журавлиным
Перечеркну осенний ералаш.

СТИХИ О ХУДОЖНИКЕ

Так неуютно нынче на земле:
в углу двора колючим боком ёлка
вросла в сугроб...
Осыпались иголки
в несвежий снег - все ветки наголе.
Темна деревьев стылая кора,
и серых дней колючая цепочка
все тянется, как долгая отсрочка...
Пускай себе!
Сегодня, как вчера,
чтобы тоска меня не доняла,
опять приду смотреть твои картины,
где синева с огнём наполовину,
в них бьется мысль, остра и солоня.
Я узнаю смятение души -
моей души! -
в портретах, мне безвестных.
Закатных красок пламенные всплески
тревожны, но безумно хороши!
Художник мой, ты понял всё и всех.
Нет для тебя ни тайны, ни запрета,
ни зависти,
ни злобы,
ни навета -
надвременны печаль твоя и смех.
Художник мой! Спасибо... Я ушла
под жёсткий ветер, в желтизну заката.
Нежданно так, так сказочно богата
явлением чуда - властью ремесла.

В НОЧНОМ МУЗЕЕ

В развенчанном храме - музей.
И в час неурочный,

полночный

мы бродим здесь - трое друзей -
в такой тишине непорочной,
что стук осторожных шагов
гремит святотатственно гулко,
а тени прошедших веков,
как тати, стоят в закоулках.

Семейство буддийских богов
нам карой грозит многоруко,
шаман, что к камланию готов,
очнулся и замер без звука.
Он жалок - в хламиде своей,
и страшен - лицом пожелтелым,
и, если бы здесь не музей,
я вряд ли б так храбро глядела!

Колышутся ткани одежд
в струе непонятого ветра.
Мы бродим здесь - трое невежд
из века, где мода на ретро,
где каждый учён и умён,
и все ж беззащитен, как эти,
мелькнувшие в кадрах времен
планеты безвестные дети.

СТИХИ НА ЭСТРАДНОМ КОНЦЕРТЕ

Зал дрожит от космических ритмов,
Музыканты плывут, как в огне...
Отступишь, моя бедная рифма,
Позвени где-нибудь в тишине.

Брежит новое тысячелетье -
Расстоянье в двенадцать шагов.
Бьёт волна, и бесчинствует ветер
У неведомых берегов.

Извиваются змеи галактик
Вкруг живой человеческой души,
И на женщине звёздное платье
В ослепительных бликах дрожит.

Так приходит грядущее Слово -
На пределе и стыке высот.
Так пронзительно, дерзко и ново
Пограничное Время поет.

Ты, душа моя - вольная птица!
Над тобою и грохот, и звон.
Пой и плачь: нам придется гнездиться
На пределе и стыке времен.

* * *

Замедленная ночь... Луна -
И невозможно
Ни бодрствовать, ни спать!
Так что же делать нам?
Давайте будем петь,
Ступая осторожно,
Как в озеро Теплынь,
Как в древнерусский Храм.

Затоплены луной проулки
И проспекты,
Так вольно пролегли,
Так плавно расплелись...
А песня, что до нас
Никем ещё не спета
Рождает на земле
Особенную жизнь,
Где нет ни горьких слёз,
Ни злого напряженья -
Есть белая сирень -
Как пена лунных волн.

Все затаило дух...
Без звука, без движенья
Весь мир чего-то ждёт...
И бледен небосклон.
Давайте будем петь.
Восславим Ожиданье,
Терпенье и Любовь,
Печаль и Красоту.
Я днем не поручусь

За их существованье,
Что гаснут на свету -
Не терпят суеты.

Но вот, нарушив Вето
Они витают вновь
Меж сонных этажей,
Чтоб не забыли мы
О падчерице века -
О собственной душе.
О собственной душе..

СМОЛЕНЩИНА

Та деревня, как мамина сказка,
Как смолёная лодка, плыла.
Древней ивы случайная ласка
Так бесплотна, как тень от крыла.

Где-то здесь, у прудов просветлённых,
Смолокуры курили смолу.
Дух таёжный, весенний, калёный
Благодатно бродил по селу.

И скользили весёлые лодки
По весенней, по звонкой воде,
И летели в леса отголоски
Добрых песен о добром труде.

О, работа - на радость и славу!..
Но иссякло сие ремесло,
И колеблет подводную траву
Из пластической массы весло.

Я устала в себе сомневаться,
Мне рассыпанной ясности жаль.
Мне бы в этой деревне остаться,
И, закутавшись в тёплую шаль,

Приходить с коромыслом упругим
К голубой полынье на пруду,
И, дыша на озябшие руки,
Рвать рябину в промёрзшем саду.

Не к тому ль и спешим, чтоб однажды,
При сиянье звезды горевой,
К старой иве, к груди её влажной,
Поседевшей припасть головой?

ВОСПОМИНАНЬЕ О ВЛАДИМИРЕ

Что было со мною - не знаю, но помню:
Издревле и свыше пришло - Мономах...
И город старинный, как звон колокольный,
Отраднo и вольно возлѣг на холмах.

Здeсь был прорисован влюблѣнно и чисто
Оконный наличник, и купол, и крест.
И ласточки в небе носились со свистом
Над белой обителью царских невест.

Мой пращур под каменно-тяжким шеломом
Седьмое столетие юн и красив.
К нему ль россияне -

с молитвой, с поклоном:

«Возьми, человеце, свой меч - и спаси...»

Что было со мною - не знаю, лишь помню,
Как медленно зной обтекал купола.
Хотелось молиться - и камню, и полдню,
И русской реке, что близ храма текла.

И все это было от века знакомо,
И было впервые - почти как во сне:
Так нежно любимо, так жадно искомо,
И русское сладко заныло во мне,

Как будто бы вновь через долгие годы
Я свиделась с мамой, ушедшей давно...
Был зной нестерпим в это лето. А своды
Прохладу и сумрак несли надо мной.

* * *

Я музыку слушать училась
У озера, сосен и скал.
Над сопками солнце катилось
И луч облака прожигал.
И ветер, по-мартовски грубый,
Все струны в сосновом бору
Затрагивал... Светлые трубы
Звенели во мне поутру.

А в полдень вздыхали и пели
О высях и далях земных,
И сердце - птенец в колыбели -
Уже тосковало о них.
С прощальной школьной трелью
И даль мне открылась, и высь...
А сосны лесов корабельных
Стремительно вниз унеслись.

Но выпало мне через годы -
В другом, прикипевшем краю:
Костёла холодные своды...
Старинный вечерний уют...
И светлые трубы органа
Вздохнули сквозь слёзы - легко,
И словно распались туманы,
И видно опять далеко:

Дымятся горячие крыши,
Сполоснуто ливнем крыльцо...
Я музыку родины слышу!
Сиянье летит на лицо.

Суровцева Татьяна Николаевна

СТИХИ

В авторской редакции

Художник *Светлана Бурчевская*

На шмуцтитулах - рисунки *Надежды Ярыгиной*

Дизайн макета и компьютерная верстка

Нины Мазутовой

Корректор *Инна Медведева*

Подписано в печать 15.01.2007. Формат 70x100/32.

Усл. печ. л. 8,61. Тираж 1000 экз.

АНО Издательство «Иркутский писатель»

664025, Иркутск, ул. Ст. Разина, 40

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»

664003, Иркутск, ул. Лапина, 1, оф. 101